

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

В. А. Кашварова. Гравюра
(конец 60-х годов)

С. М. Дионесов

В. А. КАШЕВАРОВА-
РУДНЕВА—
первая русская женщина—
доктор медицины

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1965

УДК 92 Кашеварова-Руднева

$\frac{5-1}{121-65}$

ВВЕДЕНИЕ

Шестидесятые годы XIX столетия вошли в историю России как годы революционного подъема. Исход Крымской войны, явно обнаруживший глубокий кризис феодально-крепостнического строя, жестокий гнет, которому подвергались миллионы крестьян, и безудержный полицейский произвол, царивший в стране, — все это привело к усилению борьбы крестьян против помещиков и к росту оппозиционного, демократического движения в стране. К концу 50-х годов крестьянская борьба настолько обострилась, что стал объективно возможен революционный взрыв — сложилась революционная ситуация.

Выразителями коренных интересов крестьянства в его антикрепостнической борьбе и главными массовыми деятелями освободительного движения становятся в этот период — период падения крепостного права — разночинцы, лучшие, наиболее демократические элементы русского общества, главным образом учащая молодежь, учителя и другие представители интеллигенции. Идейными вдохновителями разночинцев явились революционные демократы, прежде всего А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев.

По своему объективному характеру революционная борьба 60-х годов была борьбой против феодализма, за победу прогрессивной для того времени общественно-политической формации — капитализма.

Кризис феодального общества и вступление России на путь капиталистического развития создали условия для расцвета технических наук и естествознания, на которые капитализм предъявлял значительный спрос.

Расцвету естествознания способствовала, в частности, страстная проповедь революционных демократов, справедливо усматривавших в этой отрасли знаний важнейшую основу для просвещения народа и выработки у него материалистического мировоззрения. Призыв революционных демократов к овладению знанием естественных наук нашел горячий отклик в среде учащейся молодежи. Увлеченные этим призывом, питомцы гимназий и духовных семинарий устремились в университеты, чтобы, изучив естественные науки или медицину, стать ближе к народу, нести ему просвещение.

Стремление к изучению естественных наук и медицины захватило в 60-е годы не только мужскую часть молодежи, но и женщин, для которых высшее образование в России было в ту пору совершенно недоступно.

У ИСТОКОВ ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В самом начале 60-х годов в аудиториях Петербургского и некоторых провинциальных российских университетов начали появляться женщины, приходившие слушать лекции наиболее популярных профессоров. Писатель Л. Ф. Пантелеев, в те годы студент Петербургского университета, рассказывает¹ о первом появлении женщины в аудитории: «Раз в осенний семестр 1860 г. сидим мы, студенты-юристы второго курса, в IX аудитории и поджидаем профессора Кавелина; аудитория, как всегда на его лекциях, полным-полнехонька: Константин Дмитриевич был тогда в зените своей популярности. По времени входит Кавелин; но, к крайнему нашему удивлению, вслед за ним появилась фигура ректора П. А. Плетнева, ведшего за руку молодую миловидную барышню. Петр Александрович любезно усадил барышню в кресло, уселся сам, а Кавелин, как ни в чем не бывало прочел свою лекцию». За первой женщиной последовали и другие, и «под конец второго семестра 1860/61 г. сделалось совсем обычным явлением, что на лекциях некоторых профессоров дам бывало столько же, сколько студентов». «Несомненно, — продолжает Л. Ф. Пантелеев, — большинство профессоров не особенно сочувственно смотрело на стремление женщин к высшему образованию; оно совсем не догадывалось, что это — начало очень серьезного движения...», большинство же студентов «отнеслось к появлению женщин в

---

¹ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. ГИХЛ, 1958, стр. 213—217.

университете как к явлению совершенно естественному и, кажется, ничем не подало слушательницам повода хотя бы к малейшему неудовольствию».

Поскольку же действовавшим университетским уставом 1835 г. посещение женщинами лекций вовсе не предусматривалось, т. е. не разрешалось, но и не запрещалось, то и университетское, и высшее «начальство» смотрело на появление женщин в аудиториях снисходительно, тем более что эти женщины не претендовали на какие-либо права ни в настоящем, ни в будущем.

И хотя самый факт появления женщин в университетских аудиториях свидетельствовал о появившемся у них стремлении к высшему образованию, до 1861 г. ни одна женщина не попыталась добиться официального разрешения на поступление в университет с правом получения впоследствии ученой степени. Это объяснялось, конечно, прежде всего тем, что безнадежность таких попыток в дореформенное время была совершенно очевидной.

В связи с нарастанием освободительного движения и подготовкой правительством Александра II некоторых реформ у русской интеллигенции появились надежды на благоприятное решение вопроса и о высшем образовании женщин. Проявлением этих надежд явилось, видимо, прошение домашней учительницы Людмилы Ожигиной попечителю Харьковского учебного округа Д. С. Левшину в феврале 1861 г. В своем прошении Ожигина заявляла, что она «имеет искреннее и твердое намерение посвятить себя изучению медицинских наук» и просит «о дозволении ей с наступлением будущего академического года слушать медицинские лекции для получения впоследствии лекарского звания»².

Просьба Ожигиной была встречена попечителем сочувственно, но, «не имея в виду постановления, которым бы дозволялось допущение лиц женского пола к слушанию университетских лекций», он счел нужным запросить министра народного просвещения о том, «может ли быть удовлетворена помянутая просьба Ожигиной с освобождением ее при сем от вступительного экзамена по крайней мере из тех предметов, из которых она уже

² Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (в дальнейшем ЦГИАЛ), ф. 733, оп. 50, 1861 г., д. 1251, лл. 1—2.

подвергалась при получении звания домашней учительницы»³.

Министром народного просвещения был в это время Е. П. Ковалевский, горный инженер и геолог, исследователь Донбасса. Он нашел, что «намерение девицы Ожигиной посвятить себя изучению медицины заслуживает особенного внимания и что нет основания не поощрять желания женщин заниматься врачеванием по приобретении необходимых для сего научных сведений», и 29 марта 1861 г. доложил о просьбе Ожигиной Александру II, который повелел рассмотреть ее в Главном правлении училищ⁴.

Понимая, что Правление подойдет к этому вопросу только с общих позиций, а речь все-таки шла о праве женщины на медицинское образование, Е. П. Ковалевский обратился к министру внутренних дел С. С. Ланскому с просьбой предложить Медицинскому совету — высшему медицинскому совещательному органу в империи — рассмотреть прошение Ожигиной прежде, чем оно будет рассмотрено в Главном правлении училищ.

2 мая 1861 г. Медицинский совет рассмотрел предложенный вопрос и не нашел препятствий к допущению Ожигиной к слушанию лекций на медицинском факультете, обусловив его лишь соблюдением всех установленных правил, т. е. успешной сдачей приемного испытания⁵.

В Главном правлении училищ Записка департамента народного просвещения «О дозволении девице Ожигиной слушать в Харьковском университете медицинские лекции» рассматривалась 14 августа 1861 г.; определение Медицинского совета Правлению было уже известно.

Надо заметить, что к этому времени обстановка в Министерстве народного просвещения изменилась. Прекращавшиеся студенческие волнения, отражавшие подъем революционного движения в стране, вызвали усиление реакционного наступления на университеты. Историк С. С. Татищев, представитель правого направления, писал по этому поводу: «Усилившиеся весной 1861 г. студенческие беспорядки вызвали неудовольствие государя, который заявил Ковалевскому, что эти беспорядки

³ Там же.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 10, 1861 г., д. 68, лл. 5—6 об.

⁵ Там же.

не могут быть долее терпимы и что он не остановится перед крайней мерою: закрытием некоторых университетов. При обсуждении этого вопроса в совете министров Е. П. Ковалевский высказался против репрессивных мер, полагая более целесообразным усилить финансовые средства университетов и дать им возможность развиваться в научном отношении соответственно потребностям времени и успехам знаний в Западной Европе»⁶. В связи с нежеланием и «неспособностью» Е. П. Ковалевского «водворить порядок» в университетах он не был поддержан правящей верхушкой и поставлен перед необходимостью подать в отставку. Отставка была принята, и 28 июня 1861 г. Е. П. Ковалевский был заменен на посту министра народного просвещения реакционером, адмиралом Е. В. Путятиным, человеком жестоким и весьма ограниченными способностями⁷.

Если Е. П. Ковалевский, стоявший за расширение доступа в университеты, с ограничением лишь возраста и при условии хорошей подготовки, обнаруживаемой на строгих вступительных испытаниях, положительно отнесся к прошению Ожигиной, то с приходом Е. В. Путятина обстановка в министерстве оказалась малоблагоприятствующей положительному решению вопроса. Главное правление училищ (в нем председательствовал министр, имевший два голоса) отнеслось к этому прошению «сдержанно». Оно воздержалось от окончательного суждения и определило: «В видах наиболее удовлетворительного решения этого вопроса предложить его предварительно на обсуждение университетских советов с тем, чтобы они представили свои заключения о том: 1) могут ли вообще лица женского пола быть допускаемы к слушанию университетских лекций совместно со студентами и по всем ли факультетам; 2) какие условия должны быть поставлены при таком допущении и 3) могут ли такие лица быть допускаемы к испытанию на ученые степени и какими правами, в случае выдержания испытаний, они должны пользоваться»⁸.

⁶ С. С. Татищев. Александр II, т. 2, стр. 242—243.

⁷ Видный деятель народного просвещения XIX столетия, умеренный либерал, профессор А. В. Никитенко в своем «Дневнике» (т. 2, ГИХЛ, 1955, стр. 235) записал: «Как можно делать министром таких людей, как граф Путятин? Ведь довольно поговорить с ним четверть часа, чтобы убедиться в его ограниченности».

⁸ ЦГИАЛ, ф. 732, оп. 1, 1861 г., д. 45463, лл. 60—62 об.

В связи с определением Главного правления училищ Е. В. Путятин через попечителей учебных округов предложил советам всех российских университетов представить свои заключения⁹.

В сентябре — декабре 1861 г. университетские советы обсудили вопросы, поставленные Главным правлением училищ.

Совет Петербургского университета единогласно одобрил 24 октября мнение специально созданной им временной комиссии (председатель профессор А. Савич, члены — профессора К. Кавелин, К. Голстунский и М. Стасюлевич). Мнение комиссии сводилось к следующему: «1) допущение лиц женского пола к слушанию университетских лекций по какому бы то ни было факультету совместно со студентами признать не только не представляющим никаких препятствий, но даже справедливым и полезным; 2) допущение лиц женского пола установить на общем основании с вольнослушателями как по отношению лет, так и платы; 3) разрешить лицам женского пола на общем основании с вольнослушателями подвергаться испытанию на все степени и получать диплом, который давал бы им право: 1) на штатные учительские и воспитательские должности в высших женских учебных и воспитательных заведениях; 2) на медицинскую практику».

Комиссия указала далее на то, что, по ее мнению, препятствовало до сих пор допущению женщин в университеты: именно новизна самого явления и историческая привычка к противоположному порядку дела. «Английские, французские и немецкие университеты не допускают присутствия женщин на своих лекциях по историческому преданию, сложившемуся в монастырскую эпоху средневековых университетов... Мы в своем запрещении не имели бы даже исторического оправдания, оно перенесено было к нам целиком вместе с другими

---

⁹ Определение Главного правления училищ состоялось 14 августа, и уже 15 октября 1861 г. А. И. Герцен в «Колоколе» отозвался на него: «...Недавно Харьковский университет просил разрешения для одной девицы дозволить выслушать курс медицины и удостоить степени лекаря. Все члены главного правления училищ согласились на это; один Путятин был против и, чтобы затянуть дело, приказал послать его на рассмотрение советов всех университетов». Поскольку Путятин в обществе считался англоманом, А. И. Герцен заключил заметку словами: «Какая это англомания — это чистая Япония».

университетскими формами и не стояло поэтому в связи ни с нашим общественным духом, ни с гражданским и юридическим порядком вещей. Наконец, нас не может удерживать непривычка и новость, потому что в течение последних двух-трех лет аудитории С.-Петербургского университета были посещаемы лицами женского пола в большом числе. Потому на основании опыта мы можем утверждать, что присутствие дам в аудитории не только никогда не подавало повода ни к какому беспорядку, но даже, напротив, могло держать студентов в пределах самого строгого приличия»¹⁰. «Наконец, допущение лиц женского пола к испытанию на ученые степени должно быть принято к совершенному отсутствию причин противоположного. При экзамене на ученую степень дело идет о чистом знании, и лица мужского пола получают ученую степень вовсе не за то, что они принадлежат к известному полу. Отрицательное решение такого вопроса могло бы опираться на несомненные доказательства невозможности для женщин воспринять истину наравне с лицами мужского пола, а таких доказательств мы не имеем».

Представленное комиссией мнение заканчивалось категорическим утверждением, что «во всяком случае допущение лиц женского пола в аудитории и к экзаменам не подвергает никого и никакой опасности, а в отдельных случаях может быть полезно»¹¹.

Совет университета св. Владимира (Киев), прежде чем вынести свое решение, запросил мнение факультетов. Медицинский факультет, «признавая, что университетское образование должно быть беспрепятственно дозволено всем лицам, которые в состоянии им пользоваться, без различия звания и пола», высказывался за допущение женщин в университет с обязательной сдачей вступительного экзамена, наравне со студентами. Факультет нашел также, что женщины могут быть допускаемы к испытанию на все ученые степени и, в случае удовлетворительного выдержания испытаний, должны пользо-

---

¹⁰ Л. Ф. Пантелеев («Воспоминания», стр. 218) писал: «Как отразилось появление женщин в университете на нравах студентов? Без малейшего преувеличения могу сказать, что самым благоприятным образом».

¹¹ Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ф. 439, оп. 1, 1861 г., д. 6085, лл. 6—9.

ваться всеми правами, присвоенными полученной степени¹².

В том же смысле высказались и другие факультеты, и 8 декабря 1861 г. Совет вынес единогласное определение, подобное определению Совета Петербургского университета¹³.

Интересно, однако, отметить, что «Правила о посещении лекций университета св. Владимира посторонними лицами», опубликованные в начале 1862 г., предусматривали посещение женщинами лекций, но только с согласия преподавателей, заявленного ректору университета, в то время как для вольнослушателей-мужчин никакого согласия преподавателей не требовалось¹⁴.

Советы Харьковского и Казанского университетов высказались также за допущение женщин к слушанию лекций в университетах и к испытаниям на ученые степени и звания¹⁵. По мнению Совета Харьковского университета, женщины, выдержавшие испытание на ученую степень, должны пользоваться правом вступления на государственную службу, что должно было явиться следующим шагом по пути эмансипации женщин.

Не может не казаться странным, что Совет московского университета, одного из основных рассадников культуры в стране, совсем иначе подошел к решению этого вопроса. Поспешно рассмотрев предложение Главного правления училищ, Совет 23 голосами против двух определил: «Не допускать этого совместного слушания лекций ни под каким предлогом, потому что оно может иметь вредное влияние на успешный ход занятий молодых людей, обучающихся в университете»¹⁶. Разумеется, два других вопроса Главного правления училищ отпали сами собой.

Сохранившиеся в архиве документы свидетельствуют о том, что из 45 членов Совета в голосовании по этому вопросу участвовало 22 (ректор имел два голоса),

¹² Замечания на проект общего устава императорских российских университетов, ч. 2. СПб., 1862, стр. 520 и след.

¹³ Киевские университетские известия, 1861, № 4, стр. 6.

¹⁴ Журнал Министерства народного просвещения, ч. 116, октябрь. «Внутреннее обозрение», 1862, стр. 77.

¹⁵ Замечания на проект общего устава императорских российских университетов, ч. 2. СПб., 1862, стр. 520 и след.

¹⁶ Московский областной государственный архив (МОГИА), ф. 418, оп. 30, 1861 г., д. 630, лл. 13—14.

остальные в голосовании почему-то участия не принимали ¹⁷.

Сейчас трудно сказать, чем руководствовались члены Совета, отказывая женщинам в праве на высшее образование. Известно лишь мнение одного члена Совета, кстати сказать, не принимавшего участия в голосовании, профессора-юриста Б. Н. Чичерина. Он полагал, что «допускать молодых женщин в университет, когда не знаешь, как справиться с молодыми мужчинами, это было бы верхом безумия» ¹⁸.

Как мы уже указывали, два члена Совета голосовали за допущение женщин к совместному обучению со студентами. Это — профессор математики Н. Е. Зернов и профессор А. О. Армфельд, занимавший кафедру судебной медицины, а также истории и энциклопедии медицины. Будучи не согласен с решением Совета, А. О. Армфельд представил в Совет свое «особое мнение» ¹⁹. Отметив в нем, что обсуждение вопросов, поставленных Главным правлением училищ, велось в Совете поспешно и поверхностно («23 сентября в самом конце продолжительного заседания университетского Совета были предложены на его обсуждение вопросы Главного правления училищ... «По этим вопросам требовался отзыв Совета в самом непродолжительном времени; обсуждение их продолжалось несколько минут; затем было приступлено к отобранию голосов») и что он поэтому «не мог ни выслушать, ни понять доводов, послуживших основанием этого отрицательного решения», А. О. Армфельд детально разобрал в «особом мнении» возможные возражения против допущения женщин к слушанию университетских лекций. Он прежде всего отверг возражения, связанные с признанием таких особенностей женской природы, которые будто бы препятствуют этому, так как «решительно не нашел ни в организации женщин вообще, ни в устройстве ее мозга в особенности ничего такого, что бы не дозволило ей помышлять о возможности развития всех данных ей Богом умственных способностей; ничего, что бы воспрещало ей, пока не обременена она чрезмерными заботами, семейными и хозяйственными, стремиться к

---

¹⁷ МОГИА, ф. 418, оп. 30, 1861 г., д. 630, лл. 16 и 16 об.

¹⁸ Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Московский университет. М., 1929, стр. 60.

¹⁹ МОГИА, ф. 418, оп. 30, 1861 г., д. 630, лл. 2—11.

высшему научному образованию и удовлетворять этому стремлению всеми позволительными средствами».

Противники допущения женщин в университет высказывали опасения, не окажет ли присутствие женщин на лекциях отвлекающего влияния на студентов. Автор «особого мнения» в связи с этим указал, что, желая быть последовательными, надо бы пойти еще дальше и потребовать «удаления женщин от всех мест публичных прогулок, от концертных зал, от театров и даже от церквей, дабы студенты не развлекались понапрасну и не заглядывались на своих соседок вместо того, чтобы наслаждаться природой, слушать музыку, следить за ходом драмы или молиться св. угодникам».

Специально касаясь медицинского образования женщин, Армфельд продолжал: «Ни в чем не нуждаемся мы так сильно, как в образованных врачах женского пола... Как много добра могли бы сделать женщины-врачи в женских болезнях, нередко происходящих от причин, в которых не каждая пациентка решится признаться своему медику!» По мнению Армфельда, лица женского пола могут быть допускаемы к слушанию лекций совместно со студентами после сдачи вступительного испытания; женщины, удостоенные ученых степеней, должны пользоваться соответствующими правами: «читать публичные лекции, преподавать в публичных и частных заведениях, заниматься медицинской практикой или адвокатурой, выходить из податного сословия и т. д.»

«Особое мнение» проф. Армфельда представляет несомненный интерес, но хода событий оно, конечно, изменить не могло.

О мнении Совета Дерптского университета мы узнаем из донесения Министру народного просвещения попечителя Дерптского учебного округа Е. Ф. Бадке. Попечитель писал: «Истребовав мнение Совета Дерптского университета о возможности и условиях допущения лиц женского пола к посещению университетских лекций, я получил донесение Совета, что приведение в исполнение означенной меры он находит несовместимым с настоящим устройством университета, с существенными условиями успешной деятельности и с научными целями оного»²⁰.

²⁰ Замечания на проект общего устава императорских российских университетов, ч. 2. СПб., 1862, стр. 520 и след.

Указывая на то, что он вполне разделяет мнение Совета, попечитель добавляет уже от себя: «за сим я женский пол, по особенностям его конструкции и умственных и душевных его способностей, не могу признать способным к изучению анатомии, необходимой для медицины, ни для приобретения юридических сведений по их сухости и строгой последовательности, ни для глубоких филологических соображений, и ежели в сем отношении, конечно, могут существовать изъятия, то сии изъятия однако же не могут служить основанием к принятию общих государственных мер»²¹.

Таким образом, Советы четырех (из шести) университетов высказались за допущение женщин в университеты и за присвоение им ученых степеней.

В конце 1861 г. при Министерстве народного просвещения была создана специальная комиссия под председательством попечителя Дерптского учебного округа Е. Ф. Брандтке для подготовки нового университетского устава; в состав комиссии входили попечители учебных округов и представители от университетов. 15 декабря 1861 г. в комиссии были сильные прения по поводу того, допустить ли женщин к слушанию лекций в университетах; большинство комиссии решило этот вопрос отрицательно²².

Не следует думать, что вопрос о высшем женском образовании был предметом обсуждения лишь в официальных инстанциях, он широко обсуждался и в прессе. В основном, вопрос шел о медицинской деятельности женщин.

Еще летом 1861 г. в Петербургском еженедельнике «Медицинский вестник» (№ 30) появилась неподписанная заметка, вероятно, редакционная «Возможны ли врачи-женщины в России?» В заметке указывалось, что «в запасе умственных сил женщин не позволено сомневаться», однако «не так ясно представляется дело со стороны практической, со стороны применения знаний к выполнению обязанностей профессии, и кажется, что априорическое решение его едва ли сможет считаться самым справедливым решением». Заметка заканчивалась

---

²¹ Замечания на проект общего устава императорских российских университетов, ч. 2. СПб., 1862, стр. 520 и след.

²² А. В. Никитенко. Дневник, т. 2. ГИХЛ, 1955, стр. 249.

указанием на то, что поставленный вопрос заслуживает серьезного обсуждения.

Отвечая на заметку «Медицинского вестника», решительно выступил в газете «Петербургский вестник» (9 ноября 1861 г.) неизвестный автор, скрывшийся под псевдонимом «Вольнопрактикующий доктор». В его статье «Могут ли быть женщины врачами в России?» утверждалось, что «занятие медициной приносит особенную честь всякому, а еще более принесет чести женщинам, которых у нас так редко можно видеть за серьезной работой». С юридической точки зрения вопрос о том, могут ли быть женщины врачами, решается в пользу женщин, потому что роли акушерки и врача различаются только степенью. Касаясь того, нужны ли женщины-врачи в России, автор высказывается совершенно определенно: «Положительно необходимы, так как многие женщины избегают осмотра врачами-мужчинами». Вопрос же о способности женщин к выполнению обязанностей врача автор считает «яснее и очевиднее самого дня».

В том же году в «Современнике» — литературном и общественно-политическом журнале демократического направления — была помещена статья писателя-революционера М. Л. Михайлова «Женщины в университете»; в этой статье решительно указывалось на огромное значение для российского общества женщин, получивших высшее образование: «От женщин, выслушавших университетский курс, можно будет ждать коренного преобразования первоначального женского воспитания, которое готовит попугаев и кукол, все, что хотите, только не женщин». «Мы, — заканчивал автор, — верим в способности и великую будущность русских женщин».

Надо сказать, что большинство образованных людей в 60-е годы являлось поборниками высшего женского образования, медицинского в частности. Однако, наряду с ними, имелись люди, резко возражавшие против него; при этом, как указывал неизвестный автор «X» в «Медицинском вестнике» (№ 4, 1862 г.), «из всех противников допущения женщин к изучению медицины самые яростные — врачи, которые живут исключительно «практикою». Неужели, — спрашивает автор, — они боятся, что женщины отобьют у них «практику»?».

Обсуждение прошения Людмилы Ожигиной явилось поводом к постановке вопроса о высшем женском

образовании, но обсуждение его в правительственных кругах вышло за рамки непосредственной реакции на это прошение; разрабатывался новый университетский устав, в котором должен был найти свое место и «женский вопрос».

18 июня 1863 г. новый университетский устав был утвержден. Он предоставлял университетам некоторую «автономию» (право выбора ректора, право представления кандидатов на освободившиеся кафедры и т. д.), но категорически запрещал женщинам вступать в «храм науки», хотя бы и на прежнем «бесправном» положении. Это запрещение вызвало ряд прошений со стороны тех женщин, которые, пользуясь отсутствием в прошлом прямого запрета, посещали лекции и надеялись, что им позволят не прерывать начатого учения. В частности, Людмила Ожигина, к тому времени учительница Мариинского женского училища в Харькове, обратилась с прошением на «высочайшее имя» о дозволении ей продолжать слушание лекций в Харьковском университете по медицинскому факультету. Но, поскольку новый университетский устав был уже утвержден, Александр II «не изволил признать нужным сделать отступление от университетских правил» и Ожигиной было отказано²³.

Но, несмотря на все запреты, стремление женщин к высшему образованию выявлялось все отчетливее. Не имея возможности получить высшее образование в России, наиболее решительные молодые женщины, преодолевая порою сопротивление семьи и среды, уезжали учиться в Швейцарию, в Цюрих, где женщин беспрепятственно принимали в университет.

Известны случаи, когда будущие цюрихские студентки для освобождения от родительской опеки и родительских запретов вступали в фиктивный брак, а затем уже с разрешения мужа отправлялись учиться за границу²⁴. Уезжая, они мечтали возвратиться после получения диплома в Россию, чтобы работать на благо своего народа.

²³ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 147, 1864 г., д. 243, лл. 2, 6 и 6 об.

²⁴ М. Л. Песковский («Наблюдатель», 1882, апрель — июнь) писал: «...Под влиянием этой великой идеи (необходимости получить высшее образование.— С. Д.), не находившей практического применения и нормального исхода в России, начало развиваться бегство русских женщин за границу... туда отправлялись... с согласия мужей и родных и тайком, как беглянки...».

Одна из цюрихских студенток начала 70-х годов русская революционерка-народница В. Н. Фигнер вспоминала впоследствии: «Мы были еще пионерками в достижении женщинами высшего образования, и поездки за границу давались всем не легко: предрассудки окружающей провинциальной среды, сопротивление новшеству со стороны родителей, их опасения отпустить дочерей в неведомую даль, материальные затруднения — все это надо было преодолеть серьезной твердостью, настойчивым усилием воли».

История сохранила имена смелых, жаждавших знаний пионерок высшего образования, отправившихся для этого в чужие края. Большинство из них вышло из состоятельных слоев общества — дворянства, купечества — и успело получить удовлетворительное по тому времени образование, большей частью домашнее.

Но особое место среди женщин, стремившихся к высшему образованию, занимает несомненно Варвара Кашеварова, женщина «без роду и племени», не смевшая даже мечтать о заграничных университетах и добившаяся в 60-х годах XIX в. возможности получения высшего медицинского образования в России, а позднее и докторской степени. О ней, первой русской женщине-докторе, и будет речь в этой книге.

НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Год рождения Варвары Александровны Нафановой²⁵, известной в литературе под фамилией первого мужа, Кашеварова, точно не известен. Сопоставляя некоторые даты и факты, мы высказываем предположение, что она родилась около 1844 г. Ее детские годы прошли в Западном крае (Белоруссии), в местечке Чаусы Могилевской губернии и в уездном городе Витебской губернии Велиже.

Сведения о юных годах Варвары Александровны очень скудны, никаких документов, относящихся к этому периоду ее жизни, не сохранилось, единственным источником о ней являются ее собственные краткие воспоминания²⁶. Как всякие воспоминания, написанные спустя много лет после событий (воспоминания Кашеваровой написаны в середине 80-х годов), они, вероятно, страдают некоторой неточностью. Но поскольку они — единственный источник сведений о начале ее жизненного пути, мы пользуемся ими, не имея возможности сопоставить их с какими-либо сведениями, почерпнутыми из иных источников.

---

²⁵ Девичья фамилия ее до последнего времени была неизвестна. Мы обнаружили ее в ЦГИАЛ, в фонде Синода, и впервые сообщили об этом в своем докладе на Первой конференции по истории медицины и здравоохранения БССР в июне 1960 г.

²⁶ Автобиографическая повесть «Пионерка» («Новости», СПб., 15 и 22 сентября 1886 г.). Часть материала воспроизведена в автобиографии Варвары Александровны в сборнике «Двадцатипятилетие врачей, бывших студентов императорской Медико-хирургической академии, выпуска 9 декабря 1868 г.». СПб., 1893, стр. 68—95.

«В одном небольшом уездном городе, одной из западных губерний,— так вспоминает Варвара Александровна ²⁷,— жила маленькая девочка у очень бедных, но совсем не добрых людей» ...Кто были ее родители, мы не знаем; вряд ли знала об этом и сама девочка. Возможно, что люди, у которых она жила, и были ее родителями, но ей они об этом не говорили и ничем этого не обнаруживали. Глава семьи был учителем. Вместе с его женой девочка занималась хозяйством, шила, стирала, нянчилась маленькими детьми. Девочка была трудолюбива, не ленилась, и все-таки не раз приходилось ей испытывать тяжесть хозяйской руки.

Ей хотелось учиться, но в семье девочек не учили вообще, и она с завистью смотрела на мальчиков: их все-таки чему-то учили. Еще в 12-летнем возрасте она не знала грамоты.

Тяжелой и безрадостной была «счастливая пора детства». Об этом, в частности, свидетельствует то, что при первой же возможности 12-летняя девочка ушла навсегда из этой семьи.

Добравшись со случайной попутчицей до Царского Села (ныне г. Пушкин), она несколько недель прожила в сыром подвале, питалась чем попало, пока не заболела брюшным тифом и не была отправлена в госпиталь. Болела она долго, а когда поправилась и ее надо было выписать, выяснилось, что ей некуда, да и не в чем выйти из госпиталя. Тогда врачи и дежурные офицеры в складчину купили ей одежду (дело было зимой), дали немного денег и письмо к отставному моряку-капитану в Петербурге. Девочка поселилась в его семье и, помогая хозяйке по дому, начала обучаться грамоте у десятилетнего сына хозяев — первоклассника. Так как учение шло успешно, то и учитель, и ученица были очень довольны.

В этой семье девочка прожила недолго, ее взял на воспитание офицер корпуса военных топографов, бывавший в семье отставного моряка. По роду службы он часто уезжал в командировки и как-то, уезжая, оставил девочку на попечении старика учителя Адама Адамовича, человека всегда чем-то увлеченного, что-то изобретавшего, но не имевшего ни средств, ни возможностей для реализации своих грандиозных планов. В жизни

---

²⁷ Газета «Новости», 15 и 22 сентября 1886 г. СПб.

девочки этот человек сыграл большую роль; его рассказы об исторических событиях и великих людях, фантастика его планов,— все это увлекало ее и усиливало стремление к знанию. Адам Адамович внушил ей уверенность, что человек может достигнуть известности и приносить пользу людям, стоит лишь захотеть... Однако, когда встал вопрос, что же ей предпринять, чтобы добиться возможности учиться и стать образованной, старик ответа дать не смог...

Возвратившись из командировки, топограф взял девочку от Адама Адамовича, но не захотел, несмотря на ее настойчивые просьбы, учить чему-либо, что могло бы дать ей самостоятельность в будущем; он утверждал, что женщине образование не нужно, она должна уметь только танцевать и кокетничать...

Уезжая снова в командировку, топограф оставил свою воспитанницу у вдовы-полковницы, поселившейся на лето в деревне Пулковке под Петербургом, у крестьянина Прохора. Прохор был грамотен, и девочка упростила его научить ее писать. Тот не отказал ей и при помощи грифельной доски стал учить «барышню» письму. Вскоре она научилась выводить такие же каракули, как и ее учитель. Впоследствии Варвара Александровна не раз вспоминала этого своего учителя, не отказавшего ей в том, в чем безжалостно отказывали другие.

Время шло, и девочка превратилась в девушку. Она почувствовала, что отношение к ней воспитателя начало меняться; он стал к ней слишком внимателен, начал возить ее в танцкласс, «шикарно» одевать, пытался очаровать ее добротой и кротостью. Кое-что и она сама смогла понять, кое в чем помогли разобраться добрые люди; рискуя оказаться без крова и без всяких средств к жизни, она ушла от своего воспитателя.

И как раз тогда появился на ее пути человек, с которым она как-то познакомилась в танцклассе, и предложил ей выйти за него замуж. Это был «петербургский 2-й гильдии купеческий сын» Николай Степанович Кашеваров, владелец двух мануфактурных лавок. Кашеваров был намного старше ее, и девушка откровенно призналась, что не любит его, но если он пообещает дать ей возможность учиться, она даст согласие на замужество. Требуемое обещание было дано, и 14 сентября 1860 г. в Морском Богоявленском Никольском соборе в Петербур-

ге (этот собор называют коротко «Никола Морской») Николай Степанович Кашеваров и Варвара Александровна Нафанова были обвенчаны²⁸.

Нелегко жилось молодой купчихе в старозаветной семье мужа. Свекровь и сестры мужа сразу же возненавидели «бесприданницу-девчонку», каким-то зельем, по их мнению, приворожившую их сына и брата. Муж, до брака обещавший невесте дать возможность учиться, не торопился с исполнением своего обещания; он дал ей понять, что он сам неучен, а жена не должна быть умнее мужа. В отсутствие мужа (он по целым дням находился в своих лавках) родные запрещали ей читать, так как чтение — «барская затея» и купчихе такая «блажь» ни к чему. Но сломить стремление молодой женщины к знанию не удалось. Все чаще возникали у нее на этой почве конфликты с мужем, и после одного из них, когда Кашеваров пытался применить в споре грубую силу, Варвара Александровна заявила, что уходит от него, и потребовала дать ей «отдельный вид» на жительство. Попытка Кашеварова упросить ее остаться ни к чему не привела. Она навсегда ушла от него.

Перед молодой женщиной встал вопрос: «Что же делать дальше?» — и она приняла решение, о котором ей никогда пожалеть не пришлось.

---

²⁸ ГИАЛО, ф. 19, оп. 124, 1860 г., д. 809, 60.

ПОВИВАЛЬНАЯ БАБКА БАШКИРСКОГО ВОЙСКА

До середины XVIII в. родовспоможение в России осуществлялось исключительно так называемыми повитухами, часто совершенно невежественными женщинами, приобретшими некоторый опыт в повивальном деле. Практически положение не изменилось и тогда, когда Правительствующий сенат 5 мая 1754 г. утвердил представление директора Медицинской канцелярии П. З. Кондоиди о мерах улучшения акушерского («бабичьего») дела в стране, предусматривавшее, между прочим, организацию школ «бабичьего дела». Эти школы, задачей которых являлась подготовка «присяжных повивальных бабок», были открыты в Петербурге и в Москве почти одновременно в 1757 г. Но так как число обучавшихся и выпущенных из этих школ «бабок» было очень мало, они в лучшем случае могли обеспечить акушерской помощью только некоторую часть женского населения столиц и губернских городов; жительницы же уездных городов и деревень еще долгое время были лишены ее и по-прежнему прибегали к помощи повитух, чей труд к тому же был дешевле и доступнее.

Неудовлетворительное состояние акушерской помощи роженицам тревожило умы лучших представителей русского общества, но многого в условиях дворянской империи сделать было невозможно, и еще в середине XIX в. повитуха оставалась основной деятельницей родовспоможения в стране.

Подготовка «дипломированных» акушерок, или, как их тогда называли, повивальных бабок, осуществлялась в ту пору только в двух Повивальных институтах (по су-

ществу двухгодичных акушерских школах, для поступления в которые никакого образовательного ценза не требовалось, кроме умения читать и писать на каком-нибудь европейском языке), где обучалось только по нескольку десятков женщин; ежегодный выпуск был невелик²⁹.

Окончившие курс Повивальных институтов подвергались экзамену на месте, но выдача им свидетельств на право практики возлагалась на Конференцию Медико-хирургической академии в Петербурге и на Медицинский факультет университета — в Москве. Тем самым и Академия, и факультет принимали на себя формальную ответственность за качество подготовки повивальных бабок.

И вот после окончательного разрыва с мужем Варвара Александровна решила поступить в Петербургский повивальный институт.

Это решение не было случайным. Еще до замужества она познакомилась со студентом Медико-хирургической академии Валерианом Григорьевичем Лашкевичем (впоследствии профессором Харьковского университета, терапевтом); Лашкевич много говорил девушке о медицине и медиках и сумел пробудить в ней интерес к медицинской деятельности. И вот теперь, когда надо было подумать о будущем и решить, кем стать, она обратилась к медицине, решила сделаться повивальной бабкой.

Не без труда удалось ей поступить в Повивальный институт при Родовспомогательном заведении С.-Петербургского воспитательного дома «вольнопriходящей ученицей» (до 1871 г. «вольнопriходящие ученицы» обучались бесплатно). Довольно скоро она обратила внимание преподавателей своей настойчивостью и познаниями. По положению, курс теоретических и практических занятий для вольнопriходящих учениц продолжался два года; за восемь месяцев вместо двух лет Варвара Александровна окончила курс, и на экзамене, происходившем в присутствии профессора акушерства и женских болезней Медико-хирургической академии А. Я. Крассовского, обнаружила такие познания, что Конференция Академии

²⁹ Известный акушер И. М. Тарновский в своей статье («Сборник трудов врачей С.-Петербургского родовспомогательного заведения», вып. I. СПб., 1893, стр. 1) сообщает, что с начала своей организации (1784 г.) до 1836 г. Повивальный институт в Петербурге выпустил всего 168 повивальных бабок.

выдала ей свидетельство «с отличием»³⁰. Это было в июне 1862 г.

Возможно, что в лице Кашеваровой какой-либо уездный город Российской империи получил бы «присяжную повивальную бабку», с успехом выполнявшую свои сложные обязанности, если бы не случайная встреча ее с видным чиновником Военно-медицинского ведомства. Этот чиновник, ее частый попутчик в дилижансе, курсировавшем между Петербургом и Парголовом, тогда еще дачным местом, узнав, что молодая женщина заканчивает Повивальный институт, заинтересовался, что же она намерена делать после получения диплома? Она ответила, что хотела бы получить какое-либо казенное место, но, к сожалению, не надеется на это, так как эти места предоставляются по знакомству или по протекции. «Мой сосед,— вспоминала Варвара Александровна впоследствии,— старался разуверить меня, говоря, что бабки сами виноваты, так как не хотят ехать далеко, а все просят места в Петербурге. Я ответила, что готова ехать хоть на край света, лишь бы иметь честный кусок хлеба и приносить хоть какую-нибудь пользу обществу»³¹.

Выяснилось, что именно от этого чиновника зависело назначение Варвары Александровны, и, хотя ее заявление ему явно не понравилось, он пообещал помочь ей и назначить на освободившееся место в Оренбургском крае.

История этого места такова. Оренбургское, или, как его обычно называли, Башкирское, казачье войско представляло собой иррегулярное войско, сформированное из местного населения, в большей своей части исповедовавшего магометанство. Женщины-магометанки в соответствии с законами веры отказывались от помощи медиков-мужчин.

А так как в Оренбургском крае в ту пору был широко распространен сифилис, 13 июля 1858 г. последовало «высочайшее повеление» об организации в крае специальных женских больниц для лечения больных сифилисом с укомплектованием их вместо врачей повиваль-

---

³⁰ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 749, оп. 31, 1862 г., д. 318, лл. 3—5.

³¹ В. Кашеварова-Руднева. Из истории женского медицинского образования в России. Газета «Новости», 7 и 14 ноября 1886 г. СПб.

ными бабками, прошедшими усовершенствование на специальных курсах по распознаванию и лечению сифилиса при Калинкинской больнице в Петербурге. С этой целью войсковое правление Башкирского войска направляло в Петербургский повивальный институт своих стипендиатов, которые после его окончания усовершенствовались в течение года на этих курсах.

В отдельных случаях зачислялись на службу повивальные бабки, уже имевшие свидетельства об окончании Повивального института; их посылали только для специального усовершенствования на годовые курсы при Калинкинской больнице. В начале 60-х годов этими курсами руководил молодой ординатор, впоследствии профессор Военно-медицинской академии, Вениамин Михайлович Тарновский. К нему и направил Варвару Александровну ее чиновный собеседник.

Как раз в это время одна из стипендиатов Башкирского войска, учившаяся на этих курсах, отказалась по семейным обстоятельствам от службы в Оренбургском крае и на освободившееся место можно было принять другую. Но освобождение этой стипендиатки от службы немного затянулось, и В. М. Тарновский смог допустить Кашеварову к занятиям только на правах вольнослушательницы. Лишь в декабре 1862 г. она была назначена повивальной бабкой Башкирского казачьего войска³². С этого момента она стала «полноправной» ученицей и начала получать 28-рублевую стипендию, обязывавшую ее прослужить в Войске 6 лет. Над головой Варвары Александровны перестала, наконец, висеть постоянная угроза голода!

Ревностно взявшись за дело, она успела за четыре месяца — она была принята на курсы, когда учение на них шло уже полным ходом, — изучить все, что требовалось по годичной программе. За эти четыре месяца, как вспоминала она впоследствии³³, ей пришлось выдержать немало столкновений и с надзирательницами, и со смотрителем больницы. Во время своих дежурств она донимала их требованиями точного выполнения указаний В. М. Тарновского о лучшем питании больных, о лучшем

³² ЦГВИА, ф. 4, оп. 29, 1862 г., д. 339 (дело уничтожено).

³³ В. Кашеварова-Руднева. Из истории женского медицинского образования в России. Газета «Новости», 7 и 14 ноября 1886 г.

уходе за ними. Понятно, что в отместку за эти справедливые требования ее стали донимать всякими придирадками и часто жаловались на нее В. М. Тарновскому. Но придирки были настолько тенденциозны, а серьезность 18-летней ученицы порою настолько забавна, что В. М. Тарновский, вынужденный делать ей выговоры в присутствии начальствующих лиц, в душе только посмеивался и даже поощрял ее. За Кашеваровой утвердилась слава грубой и дерзкой «девчонки». И не раз старший доктор больницы Авенариус спрашивал, шутя, у В. М. Тарновского, как учится «эта дерзкая девчонка Кашеварова?» В. М. Тарновский с серьезным видом отвечал, что «лучше всех» и что он ее грубости никогда не замечал. В лице В. М. Тарновского Варвара Александровна всегда находила доброжелателя и защитника.

Спустя много лет она вспоминала об этом времени: «Все меня считали дерзкой, но это была неправда; я просто была дитя природы и не умела скрывать свои мысли... мои детские шалости оставили навсегда за мною славу дерзкого и непокорного человека. Но нет худя без добра, и многие, боясь моей смелости, скорее исполняли мои просьбы, лишь бы отделаться благополучно от столкновения со мною. Других это просто забавляло, и они тоже делали все, что я просила... Я никогда не была зла, а требовала лишь справедливости от людей, но это было несвоевременно, и меня записали в дерзкие...»³⁴

Быстро прошли четыре месяца, и наступил выпускной экзамен. Он происходил в торжественной обстановке, на нем присутствовали «светила» медицинского и чиновного миров: В. В. и Е. В. Пеликан, Ф. С. Цыцурин, П. П. Заблоцкий-Десятовский и др.³⁵

Кашеварова настолько хорошо сдала экзамен, что присутствовавшие не скупились на похвалы. Но сама она трезво смотрела на свою будущность; она знала, что плохо подготовлена к этой важной деятельности. Ее не

---

³⁴ В. Кашеварова - Руднева. Указ. статья. Газета «Новости», 7 и 14 ноября 1886 г.

³⁵ В. В. Пеликан — председатель Медицинского совета министерства внутренних дел; Е. В. Пеликан — профессор, директор медицинского департамента Министерства внутренних дел; Ф. С. Цыцурин — профессор, директор Медицинского департамента военного министерства; П. П. Заблоцкий-Десятовский — профессор хирургии Медико-хирургической академии.

остановила торжественность обстановки выпускного экзамена; не откладывая, решила она тут же высказать свои сомнения собравшимся представителям медицинских «верхов» и обратиться к ним с просьбой:

«Милостивые государи! Хотя вы признаете, что я знаю сифилитические болезни отлично и не уступаю в познаниях оканчивающим курс врачам, но сама я убеждена, что знания мои ничтожны, и притом вот на каком основании: я не изучала ни анатомии, ни физиологии, ни других медицинских наук; могу ли я после этого знать хоть какую-нибудь болезнь основательно; имею ли я разумное право лечить хоть какую-нибудь болезнь; всего менее я знаю и могу лечить такую серьезную и важную болезнь, как сифилис, который влияет на участь целых поколений? Вы предлагаете за мои успехи награду — годовое жалование; позвольте мне отказаться от этой награды и попросить вас дать мне в награду позволение учиться медицине и познакомиться с теми науками, знание которых необходимо для знания сифилиса и для умения лечить эту болезнь. Когда я узнаю эти науки, тогда я действительно буду знать сифилис и буду полезна на своем месте»³⁶.

Речь Кашеваровой была для присутствующих совершенно неожиданной и большинству показалась странной. Одни реагировали на нее улыбкой, другие поспешили напугать ее тем, что заниматься медициной очень трудно и сложно. Однако директор медицинского департамента обещал подумать, нельзя ли все-таки что-нибудь сделать. Но сделать ему ничего не удалось, слишком уж необычной была просьба молодой женщины.

Но Варвара Александровна была совершенно убеждена в необходимости учиться дальше и решила во что бы то ни стало добиться этой возможности. Она была совершенно уверена, что, в том случае если Оренбургскому краю нужны женщины-медики, не должно быть никаких препятствий к ее дальнейшему медицинскому образованию. Ее беспокоило только то, что средства к

---

³⁶ Цит. по тексту заметки «Первый докторский диплом, данный в России женщине», подписанной «М». Архив судебной медицины и общественной гигиены, кн. I. СПб., 1869, стр. 31 («Известия и смесь»).

жизни отсутствовали, без этих средств она не могла учиться.

Визит к ученому секретарю Медико-хирургической академии профессору Н. Н. Зинину принес ей разочарование: узнав, что молодая женщина хочет учиться в Академии, Н. Н. Зинин возмутился и заявил, что ему некогда заниматься всякими глупостями. Когда же Варвара Александровна, еле сдерживая слезы, спросила, не может ли ей в этом отношении помочь начальство Оренбургского края, Н. Н. Зинин, чтобы отделаться от странной просительницы, предложил ей обратиться туда.

Тогда она решила действительно обратиться к Оренбургскому генералу-губернатору, в ведении которого состояло Башкирское казачье войско. Не решаясь сделать этого сама, она упросила В. М. Тарновского съездить к нему и похлопотать о приеме ее в Медико-хирургическую академию. Хотя В. М. Тарновский и посоветовал ей «выбросить дурь из головы», но все же съездил в Управление иррегулярных войск Военного министерства и, видимо, так расхвалил свою ученицу, что начальник законодательного отделения Лосев пожелал увидеть ее. Когда она явилась, он подробно расспросил ее и, убедившись в серьезности ее намерений, предложил ей написать прошение генерал-губернатору и помог попасть к нему на прием.

Генерал-адъютант А. П. Безак, оренбургский генерал-губернатор, принял Варвару Александровну, доброжелательно отнесся к ней и написал на ее прошении, что «исполнение просьбы акушерки Кашеваровой считает очень полезным для края, а потому ходатайствует перед всеми, от кого это зависит, оказать содействие Кашеваровой»³⁷.

Заручившись таким ходатайством, она стала энергично хлопотать о приеме ее в Медико-хирургическую академию. «Начались мои нескончаемые мытарства по разным инстанциям: то в Медицинский департамент, то в Управление иррегулярных войск, потом в Военное министерство и т. д. Везде я возбуждала любопытство, каждая мелкая сошка старалась показать мне, что она тоже может задержать дело и напакостить. Я просто

---

³⁷ В. Кашеварова-Руднева. Указ. статья. Газета «Новости», 7 и 14 ноября 1886 г.

надрывалась от хлопот, так как принуждена была путешествовать пешком из Измайловского полка³⁸, где находилась моя квартира, по всему городу; денег на извозчиков я не имела»³⁹.

Через несколько месяцев ей удалось добиться своего. Архивные данные свидетельствуют, что «Военный министр, согласно с ходатайством Оренбургского и Самарского Генерал-губернатора, изволил разрешить: повивальную бабку Башкирского войска, Варвару Кашеварову, оставить в С.-Петербурге для слушания лекций в здешней Академии на один курс (пять лет,— С. Д.), с производством ей того самого содержания, какое она получала, будучи прикомандирована к Градской Калинкинской больнице, т. е. по 28 руб. в месяц, и с тем, чтобы она по окончании занятий своих в Академии выслужила в Башкирии установленный шестилетний срок». В связи с этим Конференция академии определила: «Дозволить Кашеваровой слушать в Академии медицинские лекции в течение одного 5-летнего курса»⁴⁰.

Таким образом Варвара Александровна получила не только право обучаться медицине, но и средства на жизнь на все время обучения. Перед молодой женщиной открывалось широкое поле для упорного труда и больших свершений.

---

³⁸ Измайловским полком называли в Петербурге район бывшей Измайловской слободы (XVIII в.), где был расквартирован до 1917 г. Измайловский гвардейский полк (Измайловский проспект, 12 улиц, именовавшихся «ротами», и Заротную улицу).

³⁹ В. Кашеварова-Руднева. Указ. статья. Газета «Новости», 7 и 14 ноября 1886 г.

⁴⁰ ЦГВИА, ф. 749, оп. 69, 1863 г., д. 198, лл. 207 об. и 208.

В МЕДИКО-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

С огромным волнением входила Варвара Александровна осенью 1863 г. в лекционную аудиторию. Наконец-то мечта ее осуществилась! Она знала, что только ей, единственной женщине, было разрешено поступить в высшее учебное заведение, и ее тревожило, как встретят ее студенты, как отнесутся к ней профессора?

Но каково же было ее изумление, когда она увидела в аудитории немало женщин. Почему же ее убеждали, что в России женщинам дорога к высшему образованию закрыта, почему же с таким величайшим трудом удалось ей добиться этого права, да и то, как говорили, в виде исключения?

Лишь позднее она узнала, что эти женщины не были студентками, что они приходили слушать интересовавшие их лекции приватно, поскольку академическое начальство этому не препятствовало. Но уже весной 1864 г. и такое посещение лекций было запрещено, причем в приказе военного министра специально указывалось, что исключение сделано лишь для нее, повивальной бабки Кашеваровой⁴¹.

Нелегко было Варваре Александровне, не получившей почти никакого образования, изучать естественные науки в Академии. К тому же она совершенно не знала латинского языка, и ей порой трудно было разобраться в терминологии. Но стремление к знанию было так велико, что она, несмотря на все, упорно и старательно изучала предметы, читавшиеся студентам первых двух

---

⁴¹ ЦГВИА, ф. 749, оп. 33, 1864 г., д. 125, лл. 1 и 1 об.

подготовительных курсов. Как раз к этому времени, в начале 60-х годов, в Академии были осуществлены значительные преобразования, направленные к улучшению преподавания естественных наук. Руководители Академии — ее президент профессор П. А. Дубовицкий, вице-президент профессор И. Т. Глебов и ученый секретарь академик Н. Н. Зинин — понимали, что знание естественных наук совершенно необходимо для последующего изучения специально медицинских наук, и приняли меры, направленные к улучшению научной и педагогической деятельности естественнонаучных кафедр, которые до того находились в Академии чуть ли не в полном пренебрежении.

Руководителями этих кафедр стали (а частью уже были) видные ученые, вносившие в преподавание много нового, своего. Так, кафедрой анатомии руководил видный анатом, страстно влюбленный в свою науку, В. Л. Грубер, о высокой педагогической требовательности которого создавались легенды. Кафедру физиологии возглавлял И. М. Сеченов, молодой, но уже широко признанный ученый, ставший основоположником отечественной физиологии и впоследствии названный «отцом русской физиологии». В те годы, когда в Академию пришли женщины для «бесправного» слушания лекций, В. Л. Грубер и И. М. Сеченов встретили их внимательно и предоставили им возможность изучать свои предметы в анатомическом театре и лаборатории. Двумя из этих женщин (Н. П. Сусловой и М. А. Боковой) в лаборатории И. М. Сеченова были осуществлены интересные научные исследования.

Кафедра гистологии возглавлялась Н. М. Якубовичем, гистологом и физиологом, чьи работы по микроскопическому строению центральной нервной системы были высоко оценены в Европе и увенчаны премией Парижской академии наук.

На кафедре химии в те годы, когда училась Варвара Александровна, было два выдающихся химика: академик Н. Н. Зинин и сменивший его в 1864 г. А. П. Бородин. Приветливый и добрый Бородин был центром притяжения для студентов, интересовавшихся наукой и музыкой.

Наконец, на кафедре зоологии и сравнительной анатомии работал в это время академик Ф. Ф. Брандт,

основатель и первый директор Зоологического музея в Петербурге. Многому можно было научиться, слушая лекции этих профессоров, и Варвара Александровна жадно впитывала знания.

При переходе на третий курс студенты Академии сдавали полулекарский (полукурсовой) экзамен. Считая, что ее не допустят к этому экзамену, если она не сдаст раньше экзамена на «аттестат зрелости», Варвара Александровна начала одновременно готовиться и к полулекарскому экзамену, и к экзамену за полный курс мужских гимназий. И только незадолго до экзамена узнала от ученого секретаря профессора Т. С. Иллинского, что, раз уж она принята в Академию, «аттестата зрелости» от нее не потребуют.

Но получить разрешение на сдачу полулекарского экзамена оказалось не так уж просто. Прогрессивная часть профессуры относилась к единственной своей студентке доброжелательно, поддерживая ее стремление к знанию, но нашлись и такие, которых ее пребывание в Академии тревожило. Они рассуждали так: если допустить Кашеварову сейчас к полулекарскому экзамену, она и выпускной экзамен, пожалуй, сдавать захочет, а там — о ужас! — и лекарский диплом потребует. И они решили узнать у нее, как она в этом случае будет себя вести? Она ответила, что это будет зависеть от ее оренбургского начальства: если оно будет готово использовать ее по специальности без диплома, она на получении его настаивать не будет, но на праве держать сейчас полулекарский экзамен безусловно настаивает.

После долгих колебаний ей разрешили держать экзамен, но без права претендовать в будущем на лекарский диплом. 6 мая 1865 г. Конференция Академии слушала прошение «повивальной бабки Башкирского войска Кашеваровой о допущении к полулекарскому экзамену. Конференция Академии, имея в виду, что Кашеварова с разрешения Г. Военного Министра допущена к слушанию в Академии медицинских лекций на один курс (пять лет), определила: допустить Кашеварову держать полукурсовой экзамен с тем, чтобы она не имела в виду получения ученого звания, не существующего для лиц женского пола, но что если она выполнит условия, требуемые от посещающих академические лекции, то ей будет выдано свидетельство об успешном вы-

слушании курса медицинских наук»⁴². Да и что могла сделать Конференция, если женщина в России не имела права на ученое звание?!

Полулекарский экзамен был сдан успешно, и оренбургское начальство, внимательно следившее за успехами своей стипендиатки-студентки, выслало ей в награду немалую по тем временам сумму — триста рублей. И Варвара Александровна, готовившаяся к акушерской деятельности, решила на эти деньги поехать на время летних каникул за границу, чтобы поработать и поучиться в лучших акушерских клиниках Европы. Она выбрала Прагу, где работал известный акушер Зейферт. Но ехать в Австро-Венгрию без знания немецкого языка было невозможно, — она заранее усердно занялась его изучением.

Осенью 1865 г. Варвара Александровна возвратилась из-за границы и приступила к занятиям на третьем курсе. Особый интерес вызвала у нее патологическая анатомия. Курс патологической анатомии читал профессор Т. С. Иллинский, но «душой» кафедры был молодой, энергичный прозектор (старший ассистент) Михаил Матвеевич Руднев, лишь недавно вернувшийся из зарубежной командировки, ученик выдающегося немецкого патолога Р. Вирхова.

Характеризуя Руднева, известный историк Военно-медицинской академии Г. Г. Скориченко писал: «...Необыкновенно деятельный, постоянно занятый улучшением преподавания, всегда стоявший на уровне современной науки, он привлекал на лекции многочисленных слушателей»⁴³.

Уже довольно скоро Руднев обратил внимание на единственную студентку и, считая, что гистология — вполне женское дело, так как женщина аккуратнее мужчины, решил сделать из нее кабинетного ученого-патологоанатома и гистолога. Поэтому Руднев требовал от Варвары Александровны особой тщательности в работе и был с ней настолько строг, что она его даже побаивалась. Но зато она поневоле должна была усерднее других заниматься микроскопическими исследованиями.

⁴² ЦГВИА, ф. 749, оп. 69, 1865 г., д. 200, лл. 166 об. и 167.

⁴³ Г. Г. Скориченко. Императорская Военно-медицинская (Медико-хирургическая) академия. Исторический очерк, ч. 2. В кн. «Столетие Военного министерства (1802—1902)». СПб., 1910.

Под руководством Руднева Кашеварова, еще будучи студенткой, хорошо овладела гистологической техникой и получила неплохую подготовку по патологической анатомии и гистологии; впоследствии это ей очень пригодилось.

Отдавая много времени работе на кафедре патологической анатомии, Варвара Александровна старательно занималась и другими предметами, успешно сдавала переходные испытания, строго выполняла все, что требовал от студентов устав Академии. Она понимала, что к ней, единственной женщине в Академии, всегда постараются придаться, если будет хоть малейший повод, чтобы затем удалить ее отсюда: ведь недовольных допущением женщин в Академию было немало! Правда, большинство студентов относились к ней хорошо (на пятом курсе студенты выбрали ее своим «предметным представителем» — старостой — на кафедре акушерства и женских болезней), но еще совсем недавно, когда в академических аудиториях присутствовало довольно много женщин — не студенток, они встречали со стороны некоторых студентов и косые взгляды, и двусмысленные улыбки; им порою мешали заниматься, иногда устраивали враждебные демонстрации, пускали в ход клевету, стараясь опорочить их личную жизнь⁴⁴.

Учитывая положение Варвары Александровны в Академии, В. М. Тарновский рекомендовал ей держаться подальше от других студентов, и она вначале строго следовала его совету. Однако жизнь ей довольно скоро показала, что стоять особняком невозможно. «Я слишком понимала все серьезно и близко к сердцу и приходила чуть ли не в ярость от малейшей несправедливости, от всякого бесчестного поступка! Легко себе представить, сколько я нажила себе врагов! Когда дело шло о правде, я высказывала ее всем в глаза. Молодой безвестной студентке многое прощалось, и это сначала даже нравилось, но потом принесло мне много горя», — писала она впоследствии⁴⁵.

Закончив третий курс, она снова, как и в предыдущем году, предполагала отправиться за границу. Во

⁴⁴ Е. Ля х а ч е в а. Материалы для истории женского образования в России (1856—1880). СПб., 1901, стр. 465.

⁴⁵ В. К а ш е в а р о в а - Р у д н е в а. Указ. статья. Газета «Новости», 7 и 14 ноября 1886 г.

всяком случае нам известно (из Архивной описи), что 15 марта 1866 г. она подала в Конференцию Академии прошение о разрешении ей отпуска за границу в каникулярное время. Мы не знаем, однако, состоялась ли эта поездка, так как в архиве Академии дело это не сохранилось.

Клиническая подготовка студентов в Медико-хирургической академии в 60-е годы, как и впоследствии, была на высоком уровне. Так, например, академической терапевтической клиникой заведовал выдающийся ученый — создатель большой школы русских терапевтов С. П. Боткин, вместе с И. М. Сеченовым составлявший ядро прогрессивной группы профессоров. Клинику нервных и душевных болезней возглавлял один из основоположников современной психиатрии И. М. Балинский. Руководителем клиники акушерства и женских болезней был А. Я. Крассовский — один из виднейших русских акушеров-гинекологов.

С переходом на пятый курс Кашеварова получила, наконец, возможность работать в той клинике, которая была наиболее близка ей, в клинике акушерства и женских болезней. С А. Я. Крассовским она встретилась впервые еще на выпускном экзамене в Повивальном институте. Уже тогда он оценил ее познания как отличные. После окончания ею этого института он принимал участие в ее судьбе, предоставляя ей платные дежурства у своих тяжело больных пациенток. Но тогда она была только повивальной бабкой. А сейчас Варвара Александровна пришла в клинику А. Я. Крассовского уже достаточно подготовленным к занятиям акушерством человеком, во всяком случае, знающим этот предмет лучше своих сокурсников.

В клинике А. Я. Крассовского она выполнила свою первую научную работу, которая принесла ей довольно широкую известность.

27 ноября 1867 г. в клинику профессора А. Я. Крассовского поступила 25-летняя роженица, курировать ее было поручено Варваре Александровне. Через два дня у этой женщины наступили тяжелые роды. Варвара Александровна, владевшая гистологическим методом исследований, подвергла такому исследованию отпадающую оболочку матки родильницы. Ей удалось показать, что женщина страдала хроническим воспалением этой

оболочки. Заболевание было сочтено наследственным. Однако Кашеварова, касаясь этиологии заболевания у данной больной, остановилась на одном важном, по ее мнению, обстоятельстве, имевшем значение в происхождении заболевания,— это чрезмерный физический труд в период беременности: больная выполняла в деревне роль кучера, ходила за несколькими лошадьми, а в конце беременности работала на фабрике. Таким образом, Варварой Александровной было обращено внимание на роль социального фактора в заболевании.

16 января 1868 г. она выступила на заседании «Общества русских врачей в С.-Петербурге» с докладом об этом своем наблюдении. Доклад назывался «О хроническом воспалении отпадающей оболочки матки (*endometritis decidualis*)».

Выступление Кашеваровой в этом Обществе было беспрецедентным: ни одна женщина до того времени не выступала еще в нем. В начале своего доклада Варвара Александровна заявила: «Я считаю для себя величайшею честью сделать в среде вашего ученого общества заявление о результатах моих первых ученических исследований, которые я в состоянии была произвести благодаря счастливому случаю, давшему мне возможность пройти курс медицинских наук, в их современном развитии, под руководством почтенных профессоров здешней Медицинской академии. Но прежде нежели приступить к самому заявлению, я считаю не лишним в нескольких словах очертить тот путь, который привел меня к настоящему моему состоянию, когда я явилась перед лицом вашего ученого собрания с сказанною целью»⁴⁶. И далее она коротко остановилась на уже известной читателю истории своего поступления в Академию. После этого она уже подробно сообщила все, что было известно из литературы, о воспалении отпадающей оболочки матки и разобрала конкретный случай, о котором говорилось выше.

В том же 1868 г. доложенная в Обществе работа Кашеваровой была напечатана в петербургском «Медицинском вестнике» (№ 6 и 7) и вслед за тем в «Архиве для патологической анатомии и физиологии и для клиниче-

---

⁴⁶ Цит. по тексту доклада, напечатанного в «Медицинском вестнике» 10 февраля (№ 6, стр. 45) и 17 февраля (№ 7, стр. 53) 1868 г.

ской медицины» Вирхова в Берлине (44-й том, 1-я тетрадь).

«Общество русских врачей в С.-Петербурге», на заседании которого выступила Кашеварова, было основано в 1833 г. Чтобы стать членом этого Общества, требовалось выступить с докладом на заседании Общества и представить рекомендации двух ее членов. Первое требование Варвара Александровна, как мы уже знаем, выполнила. А весной 1868 г. два члена общества — профессор М. М. Руднев и С. Ф. Соколов — предложили принять «акушерку Кашеварову, кончающую курс в Медико-хирургической академии», в члены «Общества русских врачей в С.-Петербурге».

Сообщая об этом на заседании 2 октября 1868 г., президент общества профессор Я. А. Чистович сказал, что, ввиду отсутствия в Уставе указания на возможность приема в Общество женщин, был сделан специальный запрос министру внутренних дел и что ныне получено сообщение от директора медицинского департамента о согласии министра на прием Кашеваровой в члены или корреспонденты Общества. На этом же заседании была произведена баллотировка шарами (тайное голосование), и Кашеварова была избрана в действительные члены Общества ⁴⁷.

Ее избрание явилось, конечно, не столько признанием ее научных заслуг, сколько, вероятно, выражением отношения общественности к «женскому вопросу». Указания на это мы находим, между прочим, в письме (16 февраля 1868 г.) выдающегося русского ученого, поборника женского равноправия И. М. Сеченова своей жене М. А. Боковой: «Различного рода овации Сусловой ⁴⁸, между которыми должны быть, конечно, и глупые, важны как заявление общественного интереса к ее личности. С этой же точки зрения важен и выбор Кашеваровой в члены Медицинского общества. Рассудите сами, можно ли медицинскому миру яснее высказать свое желание,

⁴⁷ Протоколы заседаний «Общества русских врачей в С.-Петербурге», 1868, год 35-й, стр. 38 и 39.

⁴⁸ Суслова Надежда Прокофьевна (1843—1918) окончила в 1867 г. Медицинский факультет Цюрихского университета со степенью доктора медицины, хирургии и акушерства. В России ее ученая степень не была признана, и в 1868 г. ей было предоставлено лишь право врачебной практики (ЦГИАЛ, ф. 1297, оп. 250, 1868 г., д. 49).

чтобы женщина была допущена к медицинскому образованию?»⁴⁹

Нельзя при этом не отметить некоторую неточность у И. М. Сеченова: в феврале 1868 г., когда писалось это письмо, речь могла идти только о состоявшемся недавно докладе Кашеваровой в «Обществе русских врачей в С.-Петербурге» и, может быть, о высказываниях относительно желательности ее избрания в члены этого Общества; само же избрание, как мы уже указывали выше, состоялось позднее, 2 октября 1868 г.

Следует сказать, что отнюдь не все представители медицинской общественности отнеслись сочувственно к успехам женщины, почти уже добившейся врачебного диплома. Была немало выступлений, направленных против женщин, стремившихся к врачебному званию. Так, например, в журнале «Современная медицина», издававшемся в Киеве профессором Киевского университета А. П. Вальтером, появилась 17 февраля 1868 г. небольшая заметка (стр. 94), в которой сообщалось: «Г-жа Кашеварова читала свою статью в Обществе русских врачей в С.-Петербурге. Пусть теперь критика решит, равносильны ли ученые труды наших прекрасных соотечественниц трудам ученых мужского пола. В особенности интересно бы знать, что сделают докториссы, если они будут предоставлены себе самим относительно выбора предмета, избрания способов и т. д. при ученых трудах?..» «...Все дело в той искре, которую мы называем самобытностью, изобретательностью. Способен ли прекрасный пол на это? Способен ли он умственно родить — только от себя, вот в чем дело: это было бы своего рода *partenogenesis*». Мы увидим далее, что «Современная медицина» не один лишь раз выступила против женщин-врачей, женщин-ученых; в таком же тоне она неоднократно выступала и позднее.

Весной 1868 г., когда Варвара Александровна заканчивала курс в Академии, неожиданно возникли новые для нее затруднения. Все началось со стипендии. Как мы уже указывали, Кашеварова была прикомандирована к Академии на один курс (пять лет), но в приказе военного министра о прикомандировании не указыва-

---

⁴⁹ И. М. Сеченов. Письма к М. А. Боковой. «Научное наследство», 1956, т. 3, стр. 233.

лось, что она будет впоследствии иметь право держать выпускной экзамен.

Еще в 1865 г. разрешение держать полулекарский экзамен было дано ей с оговоркой, чтобы она «не имела в виду получения ученого звания, не существующего для лиц женского пола».

Поэтому, считая, что пребывание Кашеваровой в Академии должно закончиться к лету 1868 г., канцелярия Академии не сочла нужным послать Управлению Оренбургского (бывшего Башкирского) казачьего войска новое требование на стипендию для нее; стипендия же была получена только до 1 июня 1868 г. Дело, собственно говоря, было не только в невыплате стипендии, — сама невыплата ее явилась следствием уверенности академического начальства, что пребывание Кашеваровой в Академии действительно заканчивается, — затем должно было последовать отчисление ее из Академии за истечением пятилетнего срока прикомандирования. В 1864 г., правда, президент Академии профессор П. А. Дубовицкий писал директору медицинского департамента военного министерства профессору Ф. С. Цыцурину, что «об удостоении Кашеваровой по окончании курса медицинской степени в разрешении к допущению ее к слушанию медицинских лекций ничего не сказано»⁵⁰, но, видимо, прямых указаний по этому поводу тогда получено не было, и буквально накануне выпускного экзамена Варвара Александровна могла быть отчислена из Академии без диплома.

«Узнав о своем отчислении, — писала она позднее, — я, сорвав свою злобу на ученом секретаре (Рудневе), отправилась к начальнику академии Нарановичу⁵¹.

Это был добрейший человек, но нерешительный и бесхарактерный. Он предобродушно объяснил мне, что я уже совсем отчислена от академии и что мне выдадут отличное свидетельство. Можно себе представить мое раздражение и характер дальнейших объяснений с начальником, безвинно сделавшимся моим козлом отпущения. Филиппику мою я окончила угрозой, что буду жаловаться военному министру на такую вопиющую

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 749, оп. 60, 1864 г., д. 57, лл. 3 и 4.

⁵¹ Наранович Павел Андреевич, профессор-хирург, был в 1867—1869 г. начальником Медико-хирургической академии; уволен, как не сумевший справиться со студенческими «беспорядками» 1869 г.

несправедливость. Бедный старик совершенно растерялся и всячески увещевал меня не горевать и не отчаиваться, так как авось удастся еще пособить горю»⁵².

После разговора с П. А. Нарановичем Варвара Александровна 26 апреля подала ему прошение «о востребовании следуемой мне стипендии до окончания выпускных экзаменов, то есть до января будущего года»⁵³.

На следующий же день правитель канцелярии Академии запросил канцелярию Конференции, «до какого времени Кашеварова должна будет находиться в Академии для окончания своих занятий», и получил ответ, подписанный ученым секретарем М. М. Рудневым, что «повивальная бабка Башкирского войска Варвара Кашеварова должна будет находиться в Академии до окончания своих занятий, до 1 января 1869 г.»⁵⁴.

Узнав о грозящей ей опасности отчисления из Академии до выпускных экзаменов и не добившись от начальника Академии ничего, кроме сочувственных слов, Варвара Александровна решила, не теряя времени, обратиться лично к оренбургскому генерал-губернатору Н. А. Крыжановскому, как раз находившемуся в это время в Петербурге. Н. А. Крыжановский принял ее и написал о ее деле военному министру Д. А. Милютину:

«Милостивый государь, Дмитрий Алексеевич!

С разрешения Вашего Высочайшего Высочайшего и вследствие ходатайства бывшего Оренбургского генерал-губернатора, генерал-адъютанта Безака акушерка бывшего Башкирского войска г-жа Кашеварова была прикомандирована к Медико-хирургической академии для получения полного медицинского образования наравне со студентами. Допущение г-жи Кашеваровой в академию было сделано с тою целью, чтобы она, по окончании курса, могла заменить собою врача при башкирском народе, и ей назначена была стипендия на весь академический курс с обязательством прослужить по выпуске известное число лет.

В настоящее время г-жа Кашеварова с успехом окончила 5-летний курс академии, постоянно получая на всех

---

⁵² В. Кашеварова-Руднева. Указ. статья. Газета «Новости», 7 и 14 ноября 1886 г.

⁵³ ЦГВИА, ф. 749, оп. 39, 1868 г., д. 174, лл. 1—3.

⁵⁴ Там же.

экзаменах удовлетворительные отметки с отличием, но ей предстоит еще держать окончательный теоретический выпускной экзамен на степень лекаря или доктора. В праве этом начальство Медико-хирургической академии г-же Кашеваровой отказывает, ссылаясь на то, что приложена она была к академии с разрешения Вашего Высокопревосходительства и что иначе к выпускному экзамену допущена быть не может, как с разрешения Военного министра.

Принимая живое участие в положении г-жи Кашеваровой и имея в виду, что без окончательного экзамена Кашеварова не будет иметь права и возможности на практике применить те медицинские знания, которые приобретены ею в академии пятилетним трудом, я позволяю себе обратиться с покорнейшею просьбою, не изволите ли сделать надлежащее распоряжение, чтобы Кашеварова была допущена к окончательному экзамену в академии. Дозволение это будет тем более полезно, что г-жа Кашеварова, как женщина, может проникать во все мусульманские семейства и тем победить в среде мусульманских женщин постоянное уклонение от всякого медицинского пособия, в высшей степени вредно влияющее на быт башкирских семейств, страдающих во множестве сифилисом.

С истинным почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорный слуга Николай Крыжановский.

Его Высокопревосходительству Д. А. Милютину
№ 130, 29 апреля 1868 г.»⁵⁵.

Отправившись с этим письмом к Д. А. Милютину, Варвара Александровна сразу же добилась положительного решения, — военный министр на письме генерал-губернатора положил резолюцию: «Медико-хирургической академии: представить заключение академии. Милютин. 29 апреля»⁵⁶.

Это письмо с резолюцией Д. А. Милютин Варвара Александровна тотчас же передала в Академию. И хотя некоторые профессора были против допущения Кашеваровой к выпускному экзамену и тем самым против

---

⁵⁵ Цит. по статье Б. Б. Глинского «Женщины-врачи на общественной службе». «Исторический вестник», 1895, т. 60, июнь, стр. 827.

⁵⁶ Там же.

выдачи ей лекарского диплома, — вспомним «историю» ее полулекарского экзамена, — большинство вместе с начальником встало на ее сторону.

В мае 1868 г. группа профессоров Академии: начальник П. А. Наранович, М. М. Руднев, А. П. Бородин, К. Е. Мерклин, В. Л. Грубер, Ф. Ф. Брандт, Е. И. Богдановский, П. А. Хлебников, Н. Н. Зинин, Ю. К. Трапп, Я. А. Чистович, А. Я. Крассовский, И. В. Забелин, Ф. П. Ландцерт, Э. А. Юнге и В. Е. Эжк обратились в Конференцию Академии с донесением:

«В настоящем учебном году оканчивает в нашей Академии полный медицинский курс акушерка Кашеварова, стипендиатка Башкирского войска. Она была принята в Академию с разрешения Военного министра. Назначение ее быть врачом среди народа, где мусульманские женщины не обращаются к врачам-мужчинам и потому как сами гибнут, так и служат для большого распространения болезней в народе.

Академия убедилась в течение 5 лет, с каким прилежанием и успехом Кашеварова занималась медицинскими науками и как неуклонно стремилась к своей цели.

Академия допустила Кашеварову к полулекарскому и курсовым экзаменам и видела, что она держала экзамен наряду с лучшими студентами. Кроме того, в последнем курсе она напечатала одну самостоятельную анатомо-практическую работу, имеющую неотъемлемое достоинство современного научного труда и показывающую в ней основательное знакомство с акушерством и патологическою анатомиею.

В уважение таких добросовестных и усиленных трудов Кашеваровой на поприще медицинском и в уважение к той цели, для которой она предназначается и для которой Военный министр изволил разрешить прикомандирование ее к Академии, мы считаем Кашеварову вполне достойной того, чтобы Конференция, допустив ее к окончательному экзамену наравне со студентами, ходатайствовала потом перед Высшим начальством о даровании ей соответственной степени»⁵⁷. С этим мнением большинства профессоров Конференция согласилась и 18 мая 1868 г. вынесла соответствующее постановление⁵⁸.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. 749, оп. 39, д. 174, лл. 6—7 об.

⁵⁸ ЦГВИА, ф. 749, оп. 69, 1868 г., д. 200, лл. 202 и 202 об.

Смодана 5 курса доучения из экзамену на звание Доктора
1882 года Сесии Воль.

Год, в котором и число экзамена по специальности	ПРЕДМЕТЫ.	ПРЕДЛАГАЕМЫЕ ВОПРОСЫ.	Место назначения.	Имя экзаменатора.
ПРЕДМЕТЫ СУЩЕСТВЕННЫЕ.				
1882 15/11	Патология Остеология.	Вопросы у солдат в мундире Срочно приготовить на подписание	у г-на	Велицкий
1882 15/11	Общая Патология Терапия	Метод мед. есхаротика / под калографическим.	у г-на	Велицкий
1882 15/11	Остеология Общая-Терапия	Остеология с крестом	Великий	Велицкий
1882 15/11	Материя Медики с указаниями на Технологию, на дальнейшее и использование различных вещей.	Исторический курс	Великий	Велицкий
1882 15/11	Решетра.	Нормы	Великий	Велицкий
	Остеология.	Общая патология	Великий	Велицкий
1882 15/11	Теоретическая Хирургия с Остео-логией.	Литература ирландская	Великий	Велицкий
1882 15/11	Спинальная Терапия.	Вопросы и упражнения	Великий	Велицкий
1882 15/11	Акушерство с повязкой в дальнейшем.	Методы лечения	Великий	Велицкий
	Учение о нервных и душевных бо- лезнях.	Мeningitis spinalis acuta et chronica.	Великий	Велицкий

В связи с ним начальник Академии профессор П. А. Наранович представил 24 мая доклад военному министру. Последний приказал: «прикомандированную к Медико-хирургической академии повивальную бабку Башкирского войска Кашеварову допустить к окончательному экзамену, и с тем, что если выдержит удовлетворительно этот экзамен, то дать ей медицинскую ученую степень, соответствующую ее познаниям»⁵⁹.

Занятия на пятом курсе закончились, курсовые клинические экзамены были сданы, и, как в предыдущие годы, Конференция направила (2 июля 1868 г.) оренбургскому генерал-губернатору «Свидетельство» об успехах Кашеваровой. В Свидетельстве указывалось, что «она, Кашеварова, будучи в 5-м академическом курсе, принимала наравне со студентами во всех клиниках больных и при экзамене за прием больных получила у всех профессоров весьма удовлетворительные отметки»; далее перечислялись клиники и руководившие ими профессора⁶⁰.

Окончательные (выпускные) экзамены в Академии начинались всегда в сентябре. Каждому студенту, допущенному к экзамену, выдавался экзаменационный лист, в котором отмечалась дата экзамена по каждому предмету, вопросы, предложенные экзаменуемому, мнение экзаменатора (оценка); согласно существовавшему в Академии порядку, знания оценивались тремя баллами: весьма удовлетворительно, удовлетворительно, неудовлетворительно. Мнение экзаменатора в листе скреплялось его подписью. По некоторым предметам (клиники четвертого курса) экзамены снова не производились и оценки вносились в экзаменационный лист ученым секретарем и им же подписывались.

К экзамену на звание лекаря Кашеварова была допущена 13 сентября 1868 г., что было отмечено в ее экзаменационном листе.

Экзамены начинались с практических испытаний.

22 сентября 1868 г. профессор Академии химик А. П. Бородин сообщал в письме своей супруге, Екатерине Сергеевне, что Кашеварова «блистательно выдер-

---

⁵⁹ ЦГВИА, ф. 749, оп. 39, д. 174, л. 9.

⁶⁰ Там же.

жала все практические экзамены, в том числе и у Грубера»⁶¹.

В письме, написанном через неделю, 29 сентября, А. П. Бородин писал жене: «Кашеварова отличается на экзаменах, которые держит, действительно превосходно...»⁶²

В самом деле Варвара Александровна сдавала экзамены прекрасно. Из 27 экзаменов, теоретических и практических, 21 она сдала с оценкой «весьма удовлетворительно». По существовавшему в Академии положению, лица, получившие на окончательных (выпускных) экзаменах больше половины оценок «весьма удовлетворительно», признавались «лекарями с отличием» (*cum eximia laude*); у Кашеваровой таких оценок было значительно больше.

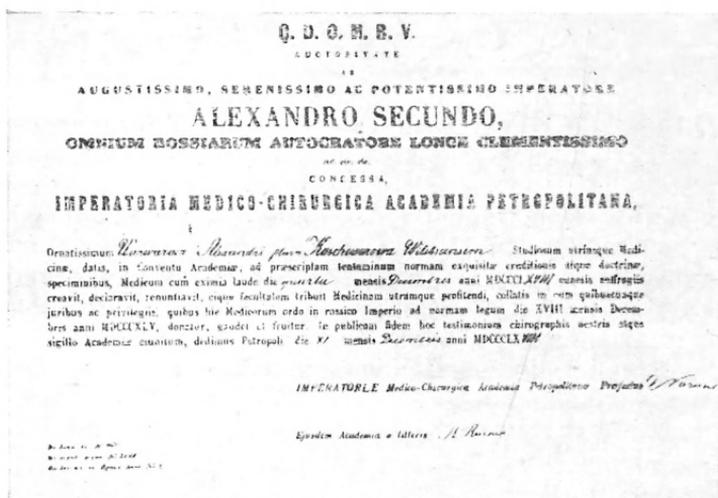
4 декабря 1868 г. Конференция рассмотрела вопрос о выпуске студентов. «Кашеварова,— указывается в протоколе Конференции,— на основании Высочайшего повеления 13 июля 1858 г. была прикомандирована к Калининской больнице для изучения сифилитических болезней, чтобы потом исполнять обязанности врача в особых женских больницах, которые на основании Высочайшего повеления должны быть устроены в Башкирии для женщин, не прибегающих в болезнях по своим религиозным верованиям к советам медиков-мужчин и остающихся потому без помощи. По окончании курса учения в Калининской больнице она за отличные успехи, по разрешению Военного министра, сообщенному Академии 6 июня 1863 г. за № 264, была прикомандирована к Академии для выслушания полного курса медицинских наук, и когда оказала при испытаниях в Академии также отличные успехи, то по разрешению Военного министра 24 мая 1868 г. была допущена к окончательному экзамену наравне со студентами, с тем что, если выдержит удовлетворительно экзамены, выдать ей медицинскую ученую степень, соответствующую ее познаниям»⁶³.

---

⁶¹ А. П. Бородин. Письма, вып. 1 (1857—1871). М., 1927—1928.

⁶² А. П. Бородин. Указ. соч., вып. 1 (1857—1871). М., 1927—1928.

⁶³ ЦГВИА, ф. 749, оп. 69, 1868 г., д. 203, лл. 524—533.

Лекарский диплом В. А. Кашеваровой (копия)

Утвердив результаты экзаменов, Конференция признала 4 декабря 1868 г. В. А. Кашеварову в числе 12 врачей «лекарем с отличием»⁶⁴.

В зависимости от количества оценок «весьма удовлетворительно», полученных на окончательных экзаменах врачами, окончившими курс с отличием, определялось место этих врачей в общем списке и право их на награждение золотой медалью и оставление при Академии для подготовки к научной деятельности. По определению Конференции, золотая медаль была присуждена К. Ф. Славянскому, впоследствии профессору акушерства и женских болезней в Академии, занявшему первое место; К. В. Ворошилову, впоследствии профессору физиологии и ректору Казанского университета, и В. А. Кашеваровой, занявшим второе место, был выдан диплом на золотую медаль.

Определение Конференции было утверждено военным министром 9 декабря 1868 г., эта дата и считалась датой выпуска.

На том же заседании Конференции (4 декабря 1868 г.) было заслушано мнение начальника академии и большинства профессоров о нецелесообразности существую-

⁶⁴ ЦГВИА, ф. 749, оп. 69, 1868 г., д. 198, лл. 524—533.

щего в Академии порядка, при котором врачи, в том числе и окончившие курс с отличием, для получения степени доктора должны до защиты диссертации сдать специальный экзамен. «Этот экзамен... отвлекает каждого от специальных занятий до такой степени, что экзаменующийся бросает свою специальность по меньшей мере на один, а иногда на два года. Между тем приготовление к экзамену не дает только что окончившему лекарский экзамен с отличием никаких новых знаний»... В связи с этим авторы представленного мнения считали возможным признать оставленных при Академии врачей, как и награжденных медалями и дипломами на медали, выдержавшими экзамен на степень доктора. Конференция согласилась с мнением большинства своих членов и определила: «оставленных при академии врачей..., а равно и удостоенных награждения медалями и дипломами на медали..., по оказанным ими на экзаменах отличиям, признать выдержавшими экзамен на степень доктора с предоставлением им права для получения этой степени представить диссертацию, обязав ныне же написать два сочинения на латинском языке согласно с правилами об экзаменах на степень Доктора»⁶⁵.

Военный министр, хотя и не без некоторых замечаний, утвердил это определение Конференции, и, таким образом, Варвара Александровна получила право без сдачи докторантских экзаменов защитить диссертацию; следовало лишь в ближайшее время написать два сочинения на латинском языке, — сочинения эти имели целью выявить умение докторанта пользоваться классической латынью при изложении медицинских вопросов. Темы сочинений давались профессорами хирургии и терапии.

Хирург, профессор Е. И. Богдановский, предложил Кашеваровой написать сочинение о раке, а терапевт, профессор Н. А. Шестов, — о перитоните. Сочинения писались в специальном заседании Конференции 29 марта 1869 г. Варвара Александровна написала небольшие сочинения, они заняли немногим более страницы каждое, и получили удовлетворительную оценку профессоров⁶⁶.

Впрочем, говоря об этих сочинениях, мы немного забежали вперед...

---

⁶⁵ ЦГВИА, ф. 749, оп. 69, 1868 г., д. 198, лл. 536 об.—545 об.

⁶⁶ Там же, оп. 39, 1868 г., д. 174, лл. 15—18.

...Итак, 9 декабря 1868 г. военный министр утвердил определение Конференции о выпуске студентов. В тот же день состоялся выпускной акт. Акт, как всегда, происходил в торжественной обстановке, присутствовало много официальных и приглашенных лиц.

Когда ученый секретарь, читая список окончивших курс врачей, назвал имя Кашеваровой и членом Синода, митрополитом Киевским и Галицким Арсением был вручен ей диплом «лекаря с отличием» и диплом на золотую медаль, зал огласился бурными рукоплесканиями⁶⁷.

Военный министр Д. А. Милютин, вручая Кашеваровой хирургический набор, высказал свою радость по поводу окончания ею курса Академии. Присутствовавшая на торжестве итальянская певица Лукка заключила возвращающуюся на свое место Кашеварову в объятия и горячо расцеловала ее⁶⁸.

На получение первой русской женщиной врачебного (лекарского) диплома в Академии широко откликнулась пресса. Даже в нью-йоркской «Медицинской газете» появилось в феврале 1869 г. сообщение о том, что после окончания официальной части выпускного акта в Медико-хирургической академии товарищи по курсу, посадив Варвару Александровну в кресло, с восторженными криками пронесли ее по залу⁶⁹.

Впоследствии, когда жизненный путь Варвары Александровны омрачился, когда ее, первую в России женщину-врача, попытались втоптать в грязь и достигли, пожалуй, в этом успеха, она с большой грустью вспоминала об этом акте: «Торжественный акт, которым сопровождался мой выпуск, останется навсегда памятным для меня и вознаградит меня за все труды, нравственные и физические мучения... Несмотря на все препятствия, с которыми мне пришлось бороться, время академического курса было самое счастливое для меня»...⁷⁰.

⁶⁷ Цит. по кн. Джекс-Блэк. Женщины-медики. СПб., 1873.

⁶⁸ Цит. по примечанию «Очевидца» к заметке П. Шустикова в газете «Оренбургский листок», № 44 за 29 октября 1895 г.

⁶⁹ Цит. по кн. Джекс-Блэк. Женщины-медики. СПб., 1873.

⁷⁰ Цит. по автобиографии В. А. Кашеваровой в кн. «Двадцатипятилетие врачей бывших студентов императорской Медико-хирургической академии выпуска 9 декабря 1868 г.». СПб., 1893, стр. 90.

ОТ ЛЕКАРСКОГО ЗВАНИЯ К ДОКТОРСКОМУ

День 9 декабря 1868 г. должен навсегда войти в историю русской культуры как день, когда женщина в России была впервые признана полноправным врачом. Давно ли вопрос, могут ли женщины быть врачами в России, считался дискуссионным? Определение Конференции Медико-хирургической академии о выдаче Кашеваровой диплома «лекаря с отличием» и диплома на золотую медаль, признание за ней права на получение впоследствии, после защиты диссертации, докторской степени — все это явилось ответом на поставленный вопрос и одновременно вызовом всем тем, кто утверждал, что «женский пол, по особенностям его конструкции и умственных его способностей», не способен изучать медицину.

Через несколько дней после получения Варварой Александровной диплома на квартире у В. М. Тарновского состоялось ее чествование. А ведь не так уж давно В. М. Тарновский уговаривал ее «выбросить дурь из головы», когда она попросила его съездить в Управление иррегулярных войск и хлопотать о направлении ее в Медико-хирургическую академию! Сейчас В. М. Тарновский смог убедиться, что не зря он пять лет тому назад расхвалил свою ученицу, по своим успехам она оказалась в числе первых во всем выпуске врачей.

Во время обеда хозяйка дома — П. Н. Тарновская обратилась к Варваре Александровне с приветственным словом и выразила сожаление, что пока еще женщинам, желающим следовать ее примеру, стремящимся к высшему образованию, путь туда совершенно закрыт. Ответ

чая любезной хозяйке, Варвара Александровна заметила, что многое зависит от нее самой: стоит лишь ей хорошенько попросить своего отца Николая Илларионовича Козлова (Главного военно-медицинского инспектора), тут же сидевшего, чтобы делу высшего женского медицинского образования был дан широкий ход. К замечанию Варвары Александровны присоединились профессора — М. М. Руднев, В. М. Флоринский и другие, и все вместе обратились к Н. И. Козлову, который обещал сделать все, что окажется возможным. Через несколько дней П. Н. Тарновская сообщила Варваре Александровне, что ее отец согласился хлопотать об организации женских врачебных курсов.

Надо сказать, что допущение женщин к высшему образованию в России было не только вопросом этическим, необходимостью предоставления женщине ее естественных прав; оно диктовалось насущными потребностями страны в работниках интеллектуального труда, в особенности медицинских работниках. Число врачей на всей территории Российской империи в середине XIX в. немногим превышало восемь тысяч; число же повивальных бабок (акушеров) было и того меньше. А так как врачи и повивальные бабки практиковали по преимуществу в городах, основная масса населения страны была почти полностью лишена медицинской помощи.

Такое положение не могло не тревожить лучших представителей русской общественности и медицины. Так, например, профессор патологии Университета св. Владимира (Киев) А. Шкляревский в записке, поданной в 1870 г. в медицинский факультет своего университета, так рисовал это положение: «Более 50% русских детей умирает, не достигая второго года жизни. Несчетное число матерей гибнет в городах и селах жертвами неумения или невежества подающих помощь роженицам. Целые околотки заражены сифилисом и число зараженных не уменьшается, растет с годами на несчастье нынешнего и будущего поколений. Губительные эпидемии опустошают целые области, и наличная врачебная помощь часто не в состоянии поставить им сколько-нибудь существенные преграды»⁷¹.

---

⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 147, 1870 г., д. 866, лл. 60—69.

В связи с таким положением, так ярко обрисованным киевским профессором, должен был встать вопрос об увеличении числа врачей в стране, а также и об улучшении подготовки повивальных бабок.

Медицинские факультеты университетов не могли удовлетворить существующей потребности во врачах, численность студентов-медиков была невелика. Одним из существенных резервов могли оказаться женщины, если бы их принимали на медицинские факультеты или если бы были созданы для них специальные высшие медицинские учебные заведения.

Необходимость допущения женщин к высшему медицинскому образованию была очевидна не только наиболее осведомленным о положении дел работникам медицины и здравоохранения, но и более просвещенным представителям царской администрации — не медикам. К числу последних относился, между прочим, выдающийся военный и государственный деятель 60—70-х годов военный министр Д. А. Милютин.

Осенью 1864 г. Д. А. Милютин обратился к министру внутренних дел П. А. Валуеву с запросом, «не следует ли в существующих для изучения женщинами повивального искусства заведениях расширить преподавание так, чтобы получившие в них образование могли быть полезными лицам своего пола не при одних только родах, но и в некоторых других случаях женских болезней»⁷². Министр внутренних дел передал этот запрос для заключения в Медицинский совет.

Рассмотрев его 26 января 1865 г., Медицинский совет нашел, что «усиление образования повивальных бабок не сможет помочь этой цели. Чтобы названное учреждение отвечало бы поставленной цели, следовало бы превернуть его в женский медицинский факультет»⁷³.

П. А. Валуев согласился с мнением Медицинского совета и добазил: «Мне кажется, однако, что вопрос не исчерпан... Если бы частным иждивением, даже при некоторой правительственной помощи, мог быть учрежден... институт собственно для женщин, то я полагаю, что со стороны Медицинского совета к тому не встретилось бы препятствий»⁷⁴.

⁷² ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 10, 1865 г., д. 117, лл. 120—123 об.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же.

И хотя министр внутренних дел полагал, что вопрос о высшем женском медицинском образовании этим «не исчерпан», — он так или иначе откладывался, — и надолго ли? — никто не мог сказать.

Поэтому после категорического запрещения женщинам посещать лекции в университетах и в Медико-хирургической академии молодые женщины начали подумывать об отъезде за границу, в Цюрих, где женщины допускались к слушанию лекций в университете на одинаковых условиях с мужчинами при условии удовлетворения одинаковым научным требованиям при приеме. Уже летом 1865 г. появились в Цюрихе первые две студентки из России, обе — на медицинском факультете. Это число в течение ближайших трех лет не увеличилось, но, уже начиная с 1868/69 учебного года, число русских студенток в Цюрихском университете стало возрастать, и летом 1872 г. только на медицинском факультете их было уже 44.

Но к тому времени, когда Варвара Александровна посоветовала П. Н. Тарновской хорошенько попросить своего отца «дать ход» медицинскому образованию женщин, на медицинском факультете в Цюрихе учились всего лишь три русские студентки; многие еще, видимо, надеялись, что им все-таки позволят изучать медицину в России.

Признание Кашеваровой «полноправным» врачом не означало еще, что перед ней откроются все двери, открытые для ее коллег-мужчин.

Последний выпускной экзамен Варвара Александровна сдала 16 ноября и, хотя еще не было определения Конференции о выпуске, но самый факт успешного окончания курса Академии был уже совершенно ясен. Поэтому еще до официального выпуска врачей оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский обратился к директору Медицинского департамента министерства внутренних дел профессору Е. В. Пеликану с ходатайством о прикомандировании В. А. Кашеваровой к Калининскому родовспомогательному заведению (Повивальному институту) в Петербурге для усовершенствования в акушерстве.

Ходатайство Н. А. Крыжановского было встречено Е. В. Пеликаном вполне сочувственно. Запросив начальника академии о том, удостоена ли Кашеварова звания

лекаря и получив ответ, что она — лекарь с дипломом на золотую медаль, директор департамента направил директору Повивального института ходатайство о прикомандировании В. А. Кашеваровой к институту. Все, казалось бы, складывалось благоприятно. Однако уже 9 января следующего года Е. В. Пеликан известил начальника Академии, что директор института доктор Этлингер отнесся к этому ходатайству отрицательно, мотивируя свое отношение тем, что «наплыв желающих заниматься в Институте специальным изучением акушерства врачей... достиг в последнее время до таких размеров, ... что он вынужден был с осени 1863 г... отказывать в их просьбах» и поэтому «находит неудобным допускать в настоящем случае исключение в пользу Г. Кашеваровой, так как это было бы несправедливо по отношению к другим врачам»⁷⁵.

Мы думаем, впрочем, что отказ был продиктован не столько перегруженностью института, сколько предубеждением против врача-женщины; вероятно, именно поэтому великая княгиня Елена Павловна «не изволила изъявить своего согласия на причисление Г. Кашеваровой к состоящему под ее покровительством институту»⁷⁶.

Узнав об отказе, директор Медицинского департамента профессор Е. В. Пеликан «подсказал» начальнику Академии обратиться к военному министру за разрешением оставить Кашеварову для усовершенствования при Академии. Было ли что-либо предпринято в этом отношении, мы не знаем, так как никаких документов по этому вопросу в архиве не сохранилось.

Заботясь о судьбе своей стипендиатки, оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский вторично, на этот раз непосредственно, обратился к великой княгине Елене Павловне с ходатайством о прикомандировании Кашеваровой к Калининскому родовспомогательному заведению на правах ординатора без жалования. Но и на этот раз из этого ходатайства ничего не вышло.

Биограф профессора С. П. Боткина Н. А. Белоголовый в своей книге «С. П. Боткин, его жизнь и деятельность» (СПб., 1892) указывает, что С. П. Боткин, будучи

---

⁷⁵ ЦГВИА, ф. 749, оп. 39, 1868 г., д. 174, лл. 24—29 об.

⁷⁶ Там же.

поборником высшего женского, в частности медицинского образования, доказал свое отношение к «женскому вопросу» тем, что «первая женщина-врач, получившая докторские права в России, г-жа Кашеварова-Руднева по окончании курса в академии немедленно же была принята им в качестве ассистента». Говоря об «ассистенте», Н. А. Белоголовый имел, конечно, в виду «ординатора», но каких-либо указаний о работе В. А. Кашеваровой в клинике С. П. Боткина, в какой бы то ни было должности, мы нигде не встретили. Сама Варвара Александровна об этом нигде не обмолвилась, хотя ее «Автобиография», помещенная в сборнике, посвященном 25-летию выпуска, содержит немало подробностей ее жизни. Последующие авторы, упоминая о работе В. А. Кашеваровой в клинике С. П. Боткина, ссылались обычно на Н. А. Белоголового. Нам представляется это указание Н. А. Белоголового недостоверным.

В связи с невозможностью получить постоянную врачебную работу Варвара Александровна была принуждена существовать на гонорары «частной практики» и проводить часть года за границей, где можно было работать приватно и совершенствоваться в лучших акушерских клиниках.

В апреле 1869 г., заручившись разрешением оренбургского генерал-губернатора, В. А. Кашеварова отправилась за границу. Весну и лето она проработала там, а осенью возвратилась в Петербург.

1 ноября 1869 г. Варвара Александровна сообщила на заседании Общества русских врачей в Петербурге о двух случаях возвратной горячки у детей 6-недельного возраста. Диагноз заболевания был поставлен ею на основании патологоанатомических данных и не совпадал с прижизненным диагнозом. Свой доклад Варвара Александровна иллюстрировала макроскопическими и микроскопическими препаратами. Этот доклад был в том же году опубликован в «Протоколах» Общества за 1869/70 г. (№ 1) под названием: «О патологоанатомических изменениях органов при возвратной горячке у новорожденных детей». Из этого доклада видно, что в 1869 г. Варвара Александровна занималась патологоанатомическим исследованием трупов детей, умиравших в сифилитическом отделении Петербургского воспитательного дома; доклад начинался благодарностью главному доктору вос-

питательного дома за предоставление возможности заниматься вскрытиями.

В том же, 1869 г., В. А. Кашеварова опубликовала еще одну работу в «Архиве Вирхова» в Берлине. Эта работа «К учению о свободных телах в брюшной полости и о внематочной беременности» была предварительной доложена в Обществе русских врачей с демонстрацией препаратов. Работа представляла собой результат наблюдений, проведенных на крольчихе; свободные тела — части эмбриона при внематочной беременности.

Как уже указывалось, Варвара Александровна ушла от Н. С. Кашеварова еще в 1861 г.; этот уход и явился поворотным пунктом в ее судьбе. В конце зимы 1870 г. она возбудила ходатайство о расторжении ее брака с Н. С. Кашеваровым. По действовавшему в ту пору праву, расторжение браков лиц православного исповедания производилось духовным судом, осуществлявшимся духовной консисторией под руководством епархиального архиерея, и утверждалось Синодом, после чего приобретало законную силу.

3 апреля 1870 г. Исидор, митрополит Новгородский и Петербургский, представил в Синод определение консистории по иску В. А. Кашеваровой о расторжении ее брака с Н. С. Кашеваровым.

Консистория определила брак расторгнуть, разрешив В. А. Кашеваровой вступить, «если пожелает, в другой брак с беспрепятственным к тому лицом». 22 апреля 1870 г. Синод слушал представленное митрополитом Исидором дело и приказал решение утвердить⁷⁷.

Еще будучи студенткой академии, Варвара Александровна сблизилась с родными своего учителя, М. М. Руднева, жила с ними в одной квартире, ездила к ним на летние каникулы в Тульскую губернию. После развода с Н. С. Кашеваровым она летом того же года вступила в брак с профессором Михаилом Матвеевичем Рудневым. С этого времени в научной литературе появляется новое имя: «Кашеварова-Руднева». Молодая чета поселилась отдельно от родных. 26 октября 1870 г. профессор А. П. Бородин сообщал в письме своей жене, что Рудневы живут теперь недалеко от Академии, на Фурштадской улице.

---

⁷⁷ ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 451, 1870 г., д. 447, лл. 1—3.

К Рудневым, в частности к Варваре Александровне, А. П. Бородин, как видно из его неоднократных упоминаний в письмах жене, относился с большой теплотой. Но не все в Академии так относились к ней. Например, профессор А. С. Таубер, в своих мемуарах, вышедших под псевдонимом «А. Сталь», писал: «Михаил Матвеевич, как истый жрец храма науки, был идеалист; поэтому он видел в г-же Кашеваровой самую подходящую женщину, способную делить с ним труды ученого работника и достойную носить его фамилию. Руднев женился на Кашеваровой... К сожалению, сия последняя не оправдала тех светлых надежд, которые возлагали на нее, с одной стороны,— достойнейший ее учитель и супруг, а с другой,— ее *alma mater*, воспитавшая в Кашеваровой пионерку высшего женского образования в России»⁷⁸.

Действительно, М. М. Руднев хотел сделать из Варвары Александровны кабинетного ученого. Но ее больше влекла практическая, врачебная деятельность, сочетанная с деятельностью патологоанатома. Кабинетного ученого из нее не получилось, и, может быть, поэтому А. С. Таубер и считал, что она не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Надо иметь, однако, в виду и то, что А. С. Таубер писал об этом позднее, когда условия для научной работы врачей-женщин уже несколько изменились; в 70-х же годах этих условий не было, и Варвара Александровна могла быть лишь «вольнопрактикующим врачом» и рассчитывать на любезность главных врачей лечебных заведений для проведения некоторых исследований.

При ознакомлении с высказываниями по адресу Варвары Александровны нельзя забывать и о том, что в пору ее деятельности между врачами в городах существовала конкуренция, и особенно серьезным конкурентом для врачей-мужчин явилась именно врач-женщина, поскольку многие женщины-больные не могли не предпочесть ее услуг. Не случайно же в журнале «Современная медицина», о котором мы уже упоминали раньше, в 1870 г. появилась статья, в которой цитировалась заметка из «*Medical Times*»: «Пусть подумают, что всякая докторисса отымет хлеб у одного доктора, который женившись,

---

⁷⁸ А. Сталь. Пережитое и передуманное студентом, врачом и профессором. Книга первая — студенчество. СПб., 1908, стр. 93—94.

по гражданскому или по церковному, дал бы существование по крайней мере одной женщине». Полностью солидаризируясь с этим высказыванием газеты, автор статьи добавляет: «Стало быть те средства жизни, которые Вы даете одной докториссе, Вы отнимаете у одного доктора и у одной женщины, не докториссы. Где благодеяние женщинам?»⁷⁹.

Мы привели одно лишь выступление журнала, их не так уж мало... Поэтому, говоря об отношении врачей-мужчин к врачу-женщине, нельзя не учитывать закона капиталистического общества — волчьего закона конкуренции.

Летом 1871 г. Варвара Александровна была приглашена врачом в Железноводск. Здесь ей удалось сделать интересное наблюдение. У одной ее пациентки обнаружился ряд болезненных явлений; выяснилось, что по указанию врача больная употребляет вместо чая мясной либиховский экстракт с ромом, хересом или коньяком в продолжение 5 месяцев. Связав болезненное состояние пациентки именно с употреблением экстракта, Варвара Александровна отменила прежнее назначение врача и, применив лечение минеральными водами, добилась уже через два месяца излечения больной. Об этом своем наблюдении она сообщила на заседании Кавказского медицинского общества. Реферат этого сообщения напечатан в «Протоколах Общества за 1871/72 г.: «О вредных последствиях от чрезмерного употребления либиховского экстракта».

В январе 1870 г. три члена Медицинского совета: начальник Медико-хирургической академии профессор Н. И. Козлов (отец П. Н. Тарновской) и профессора Н. Ф. Здекауер (терапевт) и А. Я. Крассовский (акушер) представили в Медицинский совет Записку, в которой указывали, что в существующих повивальных школах ученицы получают недостаточную теоретическую и общемедицинскую подготовку, а так как акушерство тесно связано с другими предметами, то, не имея такой подготовки, они лишены возможности усвоить научные сведения, без которых немислима польза, ожидаемая от повивальных бабок. Поэтому надо или предоставить целиком

---

⁷⁹ «Современная медицина», № 11, стр. 173, 25 апреля 1870 г., Киев.

акушерскую практику врачам-мужчинам, «оставив вопрос о значительном повышении образования повивальных бабок.., или допустить женщин к общему врачебному образованию, насколько оно необходимо для полного акушерского образования»; второй путь авторам Записки представлялся наиболее целесообразным. Указав, что сейчас уже много женщин отправляется для изучения медицины за границу, авторы заявили, что вопрос о подготовке женщин-врачей, «не разрешенный у нас в принципе, будет фактически разрешен нашими женщинами только при помощи иностранного морального вмешательства, если мы будем откладывать самобытное решение его в явный ущерб общественным интересам»⁸⁰.

Поскольку готовилась подача этой Записки в Медицинский совет, в печать проникли кое-какие слухи, но неопределенные и неправдоподобные. В 1869 г. газеты напечатали сообщение, что с осени этого года женщины будут допущены к приему в Медико-хирургическую академию. Появление в газетах такого сообщения всколыхнуло женскую молодежь, стремившуюся к высшему образованию, но не имевшую возможности отправиться для этого за границу. Молодые девушки ринулись в Петербург, преисполненные всяких надежд. Увы, сообщение оказалось преждевременным. С таким трудом вырвавшись из дома девушки не захотели возвращаться ни с чем домой. Не желая терять времени, они решили взять то, что было возможно; они поспешили воспользоваться позволением профессора В. Л. Грубера, отнесшегося к ним с полным доверием и уважением и спокойно, без лишних фраз, допустившего их к занятиям в анатомическом театре совместно со студентами.

Не ограничиваясь занятиями анатомией, девушки бегали «контрабандой» на лекции И. М. Сеченова и С. П. Боткина, тем самым расширяя свой кругозор, но должно было пройти еще три года, прежде чем женщины получили законное право входить в аудитории Медико-хирургической академии.

Записка Н. И. Козлова, Н. Ф. Здекауера и А. Я. Красовского рассматривалась в Медицинском совете 3, 30 и 31 марта; 7 апреля 1870 г. Совет определил: 1) установить для женщин две акушерские степени: повивальной

⁸⁰ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 6, 1864—1865 г., д. 48, лл. 11—22 об.

бабки и ученой акушерки; 2) звание повивальной бабки оставить на прежнем основании, как оно в настоящее время достигается в родовспомогательных институтах и с теми же правами; 3) желающих же посвятить себя более широкой врачебно-акушерской деятельности допустить к слушанию учебных курсов в медицинских факультетах университетов, а равно и в Медико-хирургической академии; 4) условием для допущения женщин к слушанию курса врачебных наук должно быть выдержание ими полного окончательного экзамена по программе женских гимназий и институтов...; 7) по окончании курса учения ученицы для получения степени ученой акушерки должны выдержать испытания по программе, установленной на звание лекаря...; 8) получившим по надлежащем испытании степень ученой акушерки предоставляется право самостоятельной, по преимуществу специальной акушерско-гинекологической врачебной практики»...⁸¹

Как видно из приведенного определения, Медицинский совет рассматривал ученых, акушеров как врачей, но только узкой специальности.

По приказанию министра внутренних дел П. А. Валуева определение Медицинского совета вместе с запиской Н. И. Козлова, Н. Ф. Здекауера и А. Я. Крассовского было передано военному министру и министру народного просвещения. Последний направил его для отзыва медицинским факультетам университетов. На этот раз медицинские факультеты всех шести университетов (Московского, Дерптского, Казанского, Харьковского, Киевского и Варшавского; в Петербургском университете медицинского факультета не было) высказались в пользу допущения женщин к высшему медицинскому образованию с предъявлением им тех же требований при приеме и выпуске, как и к студентам-мужчинам⁸².

13 декабря 1871 г. Ученый комитет министерства народного просвещения рассмотрел представленное департаментом народного просвещения дело об усилении медицинского образования повивальных бабок, включавшее Записку Н. И. Козлова, Н. Ф. Здекауера и А. Я. Крассовского, выписку из Журнала Медицинского

⁸¹ ЦГИАЛ, ф. 1294, оп. 10, 1870 г., д. 1136, лл. 404—406 об.

⁸² ЦГИАЛ, ф. 846, оп. 1, 1871 г., д. 1119, лл. 1—3.

совета и мнения медицинских факультетов университетов. Ученый комитет нашел нецелесообразным создание отдельного женского высшего медицинского учебного заведения, полагая возможным допустить «по крайней мере, в течение первых 5—10 пробных лет, в виде опыта, совместное со студентами слушание лекций».

Кроме того, Комитет полагал возможным постановить, чтобы «ученые акушерки после 3—5 лет засвидетельственной полезной практической деятельности, особенно в земстве, имели право быть допущенными к дополнительному слушанию медицинских предметов, не входящих в программу их первоначального образования, в течение одного года и потом к полному лекарскому и докторскому экзамену на общих основаниях»⁸³.

После рассмотрения проекта о высшем женском медицинском образовании во всех инстанциях надлежало приступить к его реализации; ею, как это ни странно, занялось не министерство народного просвещения, а военное министерство.

3 мая 1872 г. военный министр Д. А. Милютин представил Александру II «всеподданнейший доклад», в котором испросил предварительное одобрение проекту организации при Медико-хирургической академии «Особого курса для образования ученых акушерок»⁸⁴.

Проект был одобрен, и 10 июня 1872 г. Д. А. Милютиным был отдан приказ по военному ведомству об открытии первых женских врачебных курсов, хотя и под более «скромным» названием; тем же приказом было утверждено «Положение» о курсах и назначена почетной инспектрисой М. Г. Ермолова. Открывая эти курсы, правительство обеспечило их только административным руководством и учебной базой, отказавшись от каких-либо затрат на их содержание; курсы должны были существовать на частные пожертвования и плату студенток за учение.

Открытие женских медицинских курсов было встречено с удовлетворением русской общественностью и печатью. Впрочем, раздавались и голоса протеста. Их рупором явился журнал «Современная медицина». В передовых статьях этого журнала читаем: «Проект об ученых акушерках грозит выгодам и правам врачебного сосло-

⁸³ ЦГИАЛ, ф. 734, оп. 3, 1871 г., д. 16, лл. 744 об.—755.

⁸⁴ ЦГВИА, ф. 749, оп. 39, 1872 г., д. 77, лл. 55 об.—60 об.

вия и науки, проект же о врачах женского пола, если б он осуществился, способен иметь огромное разлагающее влияние на весь строй нашего общества» (24 октября 1870 г.); «прекрасный пол по своему обыкновению дешевой ценой покупает большие выгоды и делается конкурентом врачей мужского пола» (4 ноября 1872 г.); «женщины могут быть повивальными бабками, отличными сиделками, максимум подлекарями, но покуда ни истинными докторами медицины, ни двигателями науки и практики врачебных» (11 ноября 1872 г.). В таком духе «Современная медицина» высказывалась в продолжение ряда лет. Ей вторили и некоторые другие газеты и журналы.

Несмотря на возражения, на попытки представить женщин неспособными заниматься медициной, на боязнь некоторых представителей «мужской» медицины конкуренции со стороны их будущих коллег-женщин и на многие другие мотивы, женские врачебные курсы были открыты. В октябре 1872 г., в течение трех дней были проведены вступительные экзамены по физике, математике, русской литературе, географии и истории, и 1 ноября для 89 успешно сдавших их женщин открылись, наконец, двери Медико-хирургической академии, до того прочно закрытые для лиц женского пола, кроме одной лишь В. А. Кашеваровой. Занятия фактически начались 2 ноября, первым прочел студенткам лекцию профессор А. Е. Голубев (гистолог), добровольно покинувший годом ранее Казанский университет, в виде протеста против изгнания оттуда прогрессивного ученого, профессора анатомии П. Ф. Лесгафта.

По существовавшему в прежнее время положению, преподавателем в высшем медицинском учебном заведении могло быть только лицо, имевшее степень доктора медицины. Стремясь стать преподавателем на курсах ученых акушерок, Варвара Александровна хотела поскорее защитить докторскую диссертацию, поскольку от докторантских экзаменов она была освобождена. В 1873 г. она сделала попытку представить в качестве диссертации свою работу «К учению о свободных телах в брюшной полости и о внematочной беременности», напечатанную в «Архиве Вирхова», но из этого ничего не вышло⁸⁵.

⁸⁵ ЦГВИА, ф. 749, оп. 39, 1873 г., д. 41. О дозволении лекарю Варваре Кашеваровой-Рудневой защитить диссертацию на звание доктора медицины (уничтожено).

Вспоминая об этом впоследствии, Варвара Александровна писала: «Казалось бы, что после того как я получила лекарский диплом, свидетельство о выдержанном мною докторском экзамене и представила ученую работу для защиты диссертации, не было никакого основания отказывать мне в праве публичного диспута для получения степени доктора медицины. Но на деле мне не только препятствовали, но одно лицо пугнуло меня даже чуть ли не Сибирью, если я буду настаивать на своем праве. Я ответила, что и в Сибири не пропаду с знаниями».

Однако против предоставления В. А. Кашеваровой-Рудневой права на защиту диссертации возражали не только противники женского равноправия, убежденные, что женщина не может претендовать на равное с мужчинами право на ученые степени, возражения исходили, как ни странно, также от поборников женского медицинского образования. Они высказывали опасения, что ее претензия на докторскую степень сможет повредить только что открывшимся женским врачебным курсам, поскольку их разрешили открыть как курсы ученых акушерок,— именно акушерок,— а отнюдь не врачей. Сейчас, конечно, трудно судить о том, насколько защита диссертации Варварой Александровной могла бы действительно повредить курсам. Возможно, конечно, что получение ею степени доктора медицины, являвшейся исключительно привилегией мужчин, рассматривалось бы как стремление женщин добиться большего, чем им было дозволено законом, и вызвало бы «косые взгляды» в сторону молодого, еще не окрепшего, учреждения — курсов ученых акушерок. Поэтому, быть может, поборники женского медицинского образования оказались на этот раз в одном лагере с ее противниками и тоже удерживали Варвару Александровну от защиты диссертации.

Во всяком случае, по тем или иным причинам в 1873 г. защита диссертации не состоялась. Но от мысли защитить диссертацию в будущем Варвара Александровна отказываться не собиралась.

В 1873 г. В. А. Кашеварова-Руднева опубликовала еще одну работу: «К учению о плацентарных полипах». Это было описание результатов макро- и микроскопического исследования, произведенного на трупе молодой женщины, погибшей вскоре после родов. На основании своего исследования Варвара Александровна пришла к

заклучению, что образования, известные под названием «плярентарный полип», могут представлять собой организованные новообразования из гладких мышечных волокон.

Не имея докторской степени, В. А. Кашеварова-Руднева не могла стать преподавательницей курсов ученых акушерок. Однако неофициально она занималась со студентками («ученицами», как их тогда называли), проводила практические занятия по патологической анатомии, этот предмет преподавал ее муж, профессор М. М. Руднев.

16 января 1876 г. В. А. Кашеварова-Руднева обратилась к ректору Московского университета, профессору-историку С. М. Соловьеву, с прошением о допущении ее к публичной защите диссертации для получения степени доктора медицины. К прошению было приложено свидетельство от Московского обер-полицеймейстера о том, что «Г. Руднева во время проживания в Москве, с 15 августа 1875 г. по настоящее время, поведения была хорошего, под судом и следствием не состояла и не состоит»⁸⁶. Прощение вместе с диссертацией и свидетельством о выдержании испытаний на степень доктора медицины было передано в Совет университета. 17 января Совет определил передать все документы в Медицинский факультет с просьбой о рассмотрении диссертации и о допущении просительницы, в случае одобрения диссертации, к ее защите^{86а}.

Рассмотрев предложение Совета, медицинский факультет 3 февраля определил: «Передать диссертацию на рассмотрение членов Медицинского факультета»⁸⁷.

Казалось, что все идет прекрасно. Однако уже 27 февраля помощник попечителя Московского учебного округа сообщил ректору университета, что, узнав о желании Кашеваровой-Рудневой защищать диссертацию в Московском университете, он запросил министра народного просвещения, который известил его, что «так как правилами Университетов особам женского пола не дозволяется посещение университетских лекций и в законоположениях по Министерству народного просвещения не заклю-

⁸⁶ МОГИА, ф. 418, оп. 45, 1876 г., д. 105, лл. 1—3.

^{86а} Там же.

⁸⁷ Архив Московского университета (АМУ), Медицинский факультет, оп. 52, 1876 г., д. 1166, л. 41.

чается постановления, разрешающего женщинам держать экзамены и защищать диссертацию на высшие ученые степени, то Министр не признал возможным согласиться на удовлетворение означенной просьбы Кашеваровой-Рудневой»⁸⁸.

1 марта того же года ректор университета сообщил о мнении министра декану медицинского факультета профессору А. И. Полунину; 12 марта медицинский факультет постановил возвратить диссертацию ректору; 15 марта все документы были возвращены Варваре Александровне.

Постигшая ее неудача с защитой диссертации в Москве не сломила ее воли,— она решила «попытать счастья» в своей alma mater. 30 марта 1876 г. Варвара Александровна представила в Конференцию Медико-хирургической академии рукопись под заглавием: «Материалы к патологической анатомии маточного влагалища» и попросила позволить защитить эту работу в качестве диссертации⁸⁹.

Конференция не встретила возражений и 23 апреля определила передать рукопись на отзыв двум цензорам — профессорам Н. В. Склифосовскому и Е. И. Богдановскому⁹⁰.

Уже 28 апреля профессор Н. В. Склифосовский сообщил Конференции, что диссертация Кашеваровой-Рудневой «представляет самостоятельный труд, обнимающий весьма обстоятельное микроскопическое исследование новообразований маточного влагалища, и вполне удовлетворяет цели, для которой написана». О том же 1 мая сообщил и профессор Е. И. Богдановский^{90а}.

Согласно существовавшему в Академии порядку диссертации после отзывов цензоров отпечатывались за счет автора в типографии и представлялись в значительном числе экземпляров (в 70-х годах XIX в.— в трехстах) в Конференцию. Разрешение на печатание диссертации давалось ученым секретарем от имени Конференции.

Диссертация была отпечатана очень быстро (в ней всего два печатных листа), и уже 8 мая В. А. Кашеварова-Руднева представила в Конференцию требуемое число

⁸⁸ АМУ, Медицинский факультет, оп. 52, 1876 г., д. 17, лл. 1 и об.

⁸⁹ ЦГВИА, ф. 749, оп. 39, 1876 г., д. 124, лл. 1—6.

⁹⁰ Там же, оп. 69, 1876 г., д. 212, заседание 23 апреля.

^{90а} Там же, оп. 39, 1876 г., д. 124, лл. 5—6.

Въ Конференци Императорской медицин-
ской академии.

По поручению Конференции медицинской
академии профессоров Императорского университета Ка-
шевараевой-Рудневой и профессора Не поворови-
скаго автору диссертации "изучение валагуа", пред-
ставленной на публичном экзамене Доктора меди-
цины. Диссертация одобряется. Самоподгото-
влена. Ученого, автору вклина благодарности
за оказанное участие в изучении валагуа, и в том же удостоверяет
ученый, Не поворови? Канцелярия.

Проф. Н. Клифосовский

28 августа 1876 года.

№ 10.

Диссертация для получения степени
В. Кашевараевой-Рудневой
1876 года М. М. Д.

Отзыв проф. Н. В. Склифосовского о диссертации
В. А. Кашеваровой-Рудневой

экземпляров. Публичная защита диссертации была назначена на 25 мая. Официальными оппонентами Конференция назначила профессоров Е. И. Богдановского (хирург), И. Г. Карпинского (хирург) и приват-доцента С. А. Ивановского (терапевт).

В архиве сохранилась справка, подготовленная для начальника Академии А. М. Быкова, в которой, между прочим, указывается, что «несмотря на повторные отказы в прикомандировании к врачебным учреждениям для усовершенствования своих знаний, Кашеварова, частью в заграничных лечебных институтах, частью же на частной практике в России постоянно продолжала изучать свою науку и опубликовала пять исследований по части женских и детских болезней; эти исследования напечатаны на немецком языке и признаны в Литературе имеющими значение, так что они цитируются лучшими писателями в Германии. Одно из этих исследований Кашеварова желает представить как диссертацию для получения степени Доктора медицины и почтительнейше просит о ходатайстве к допущению ее защитить публично диссертацию на Доктора, согласно резолюции Военного министра»⁹⁰⁶. Но, по-видимому, никаких особых ходатайств о допущении Варвары Александровны к защите не понадобилось, так как в определении Конференции 4 декабря 1868 г., утвержденном военным министром 9 декабря, указывалось, что врачей, удостоенных награждения медалями и дипломами на медали, «по оказанным ими на экзаменах отличиям, признать выдержавшими экзамен на степень Доктора с предоставлением им права для получения этой степени представить диссертацию...»; в числе же врачей, окончивших с дипломом на медаль, была и В. А. Кашеварова и ей уже в 1868 г. было разрешено, следовательно, представить диссертацию к защите.

Во вторник 25 мая 1876 г. в конференц-зале Медико-хирургической академии состоялся небывалый в истории России диспут: диссертацию на высшую ученую степень защищала женщина. «Появление г-жи Кашеваровой на кафедре было встречено шумными рукоплесканиями собравшейся публики, в среде которой находилось много женщин», — сообщала 30 мая петербургская газета «Неделя».

---

⁹⁰⁶ Там же, оп. 39, 1876 г., д. 124, лл. 1—6.

Принимая съ глубокою признательностію даруемая мнѣ наукою права Врача и постигая всю важность обязанностей, возлагаемыхъ на меня симъ званіемъ, я даю обѣщаніе въ теченіи всей своей жизни ничѣмъ не помрачать чести словія въ которое нынѣ вступаю. — Обѣщаю во всякое время помогать, по лучшему моему разумѣнію, приближающимъ къ моему пособію страждущимъ, свято хранить вѣрными мнѣ семейныя тайны и не употреблять во зло оказываемаго мнѣ довѣрія. Обѣщаю продолжать изучать врачебную науку и способствовать всѣми своими силами ея процвѣтанію, еобщая ученому свѣту всё, что открою. Обѣщаю не заниматься приготовленіемъ и проажею тайныхъ средствъ. Обѣщаю быть справедливымъ къ своимъ сотоварищамъ врачамъ и не оскорблять ихъ личности: однако же, если бы того требовала польза больного, говорить правду прямо и безъ лицепріятія. Въ важныхъ случаяхъ обѣщаю прибѣгать къ совѣтамъ врачей, болѣе меня свѣдующихъ и опытныхъ: когда же самъ буду признанъ на совѣщаніе — буду по совѣсти отдавать справедливость ихъ заслугамъ и стараніямъ.

Докторъ Медицины Кашеварова
Кашеварова или Рудневъ 1846 года Авг.
28.

«Факультетское обещаніе» В. А. Кашеваровой-Рудневой с автографом

МАТЕРИАЛЫ
ДЛЯ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ
МАТОЧНОГО ВЛАГАЛИЩА.

ДИССЕРТАЦИЯ

получившей степень доктора в Императорской Медицинско-Хирургической Академии

Варвары Кашеваровой *псевд.* **Рудневой,**

НАПИСАННАЯ ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ СТЕПЕНИ ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

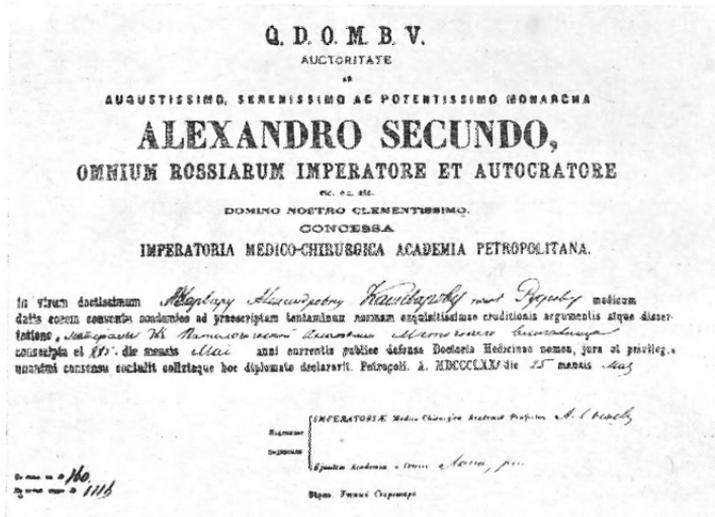
ТИПОГРАФИЯ ДЕВЯТРЕА.

Рейс-№ 1

1876.

Обложка диссертации В. А. Кашеваровой-Рудневой

Докторский диплом В. А. Кашеваровой-Рудневой
(копия).

Свою речь на диспуте Варвара Александровна начала с изложения мотивов, заставивших избрать представленный вопрос темой диссертации: научное и практическое значение вопроса, а также слабое освещение его в специальной литературе. Варвара Александровна указала далее, что фактический материал диссертации был собран ею в течение многих лет. Еще в 1869 г. в клинике профессора Зейферта в Праге она обнаружила у женщины опухоль, которую профессор Зейферт предложил ей исследовать и результатами исследования воспользоваться для докторской диссертации. Этот случай был дополнен патологоанатомическими исследованиями опухоли еще у двух женщин и у одной собаки.

Как сообщала газета «Неделя», «возражали только официальные оппоненты. Все они отозвались о диссертации с большой похвалой и ограничили свои возражения частными замечаниями. Только возражения профессора Богдановского касались некоторых общих выводов в диссертации и указывали на отсутствие надлежащей критики в оценке тех явлений, с которыми имела дело докторантка. Хотя некоторые доводы профессора Богдановского как будто ставили в тупик докторантку, но вообще,

по отзывам присутствующих на диспуте, она защищала диссертацию с таким достоинством, какое редко встречается в подобных случаях. Публика приветствовала г-жу Кашеварову единодушными и долго не смолкавшими аплодисментами»⁹¹.

Конференция Академии на основании успешной защиты диссертации признала В. А. Кашеварову-Рудневу доктором медицины и выдала ей диплом. Это был первый диплом на высшую ученую степень, выданный женщине в России. Этим дипломом фактически утверждалось, что женщинам в равной мере с мужчинами доступны вершины науки.

---

⁹¹ Докторский диспут г-жи Кашеваровой. Газета «Неделя», № 13—14, стр. 473, 30 мая 1876 г. СПб.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-ДОКТОР

Успешная защита докторской диссертации была апогеем славы В. А. Кашеваровой-Рудневой. В самом деле, в условиях российского бесправия, когда женщине были совершенно закрыты пути к высшему образованию, она смогла добиться права на получение его в России, а позднее и докторской степени, не установленной для женщин. Эта степень должна была открыть ей дорогу к ученой карьере. Однако сделать ее Варваре Александровне не удалось: женщины в то время ни к ученой, ни к педагогической деятельности в высших учебных заведениях не допускались и преодолеть этот запрет оказывалось невозможным. Правда, когда ее муж, профессор М. М. Руднев, преподавал на курсах ученых акушерок, она помогала ему заниматься со студентками, но делалось это неофициально, в силу «семейного соглашения».

В 1876 г., когда Варвара Александровна получила степень доктора медицины, на курсах ученых акушерок заканчивался четвертый академический год. По первоначальному плану он должен был быть последним. Во «всеподданнейшем докладе» военного министра 3 мая 1872 г. указывалось, что «удобнее ввести предполагаемую меру (учреждение курсов ученых акушерок — С. Д.) первоначально в виде опыта на 4 года с тем, чтобы по истечении опытного срока... проект положения был внесен... на окончательное утверждение...»⁹².

4 марта 1876 г. последовало «высочайшее повеление» об организации курсов ученых акушерок на новых осно-

---

⁹² ЦГВИА, ф. 749, оп. 39, 1872 г., д. 77, лл 55 об.— 60 об.

ваниях и добавлен еще один пятый курс; соответственно была изменена и программа, приближавшая курсы к медицинским факультетам университетов. Весной 1876 г. на курсах обучалось около 300 студенток, и уже в будущем 1877 г. ожидался выпуск около 60 врачей-женщин, они должны были пополнить, пока незначительно, относительно небольшую когорту врачей.

Курсы ученых акушерок работали бесперебойно, успешно, и общественность вряд ли ясно представляла себе в то время, что учреждение этих курсов было продиктовано не столько тем, что страна испытывала страшную нужду во врачах, сколько, вероятно, тем, что правительство хотело любыми средствами отвлечь молодых женщин от поездки за границу, в Цюрих.

Как видно из сохранившихся документов, бывших прежде секретными, царское правительство было очень обеспокоено все возрастающим числом женщин, уезжавших учиться в Цюрих, поскольку получить высшее образование в России было для них невозможно; правительство боялось (и не без основания!) революционизирования женской молодежи.

Надо заметить, что в 60—70-х годах XIX в. Цюрих привлекал молодежь не только возможностью получить там высшее образование, но и тем, что в это время он был «некоторым умственным революционным центром, которого не хотел миновать ни один русский интеллигент, попавший за границу»⁹³. Напуганное растущей тягой молодежи в Цюрих, правительство решило принять меры, чтобы отвлечь ее от поездки за границу, в частности в Цюрих; наиболее эффективной мерой должно было явиться создание высших учебных заведений для женщин в России.

В 1873 г. была создана по «высочайшему повелению» особая комиссия из четырех высших сановников для обсуждения мер, вызываемых постоянно возрастающим приливом русских женщин в Цюрихский университет. 19 мая 1873 г. комиссия представила Александру II доклад, в котором довольно подробно проанализировала положение: «Цюрих в последние годы сделался центром заграничной революционной пропаганды. Люди, как Ба-

---

⁹³ В. Фигнер. Очерки, статьи, речи. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 70, 1932.

кунин, Лавров, и недавно еще Нечаев, вербуют себе здесь усердных поклонников и последователей, и число их постоянно возрастает. В среде русской молодежи образовались различные политические партии самых крайних оттенков... Вовлеченные в политику девушки поддаются под влияние коноводов пропаганды и становятся в их руках послушными орудиями. Иные по два, по три раза в год ездят из Цюриха в Россию и обратно, привозят письма, поручения, прокламации и принимают живое участие в революционной пропаганде»⁹⁴.

Естественно, что царскому правительству было над чем призадуматься! И комиссия в своем докладе высказала предположение о создании, для отвлечения женской молодежи от поездок за границу, высших женских учебных заведений в России. Но наряду с этим комиссия указала на необходимость потребовать от цюрихских студенток возвращения в Россию. Те же из них, которые до 1 января 1874 г. не возвратятся, не будут допускаться к каким-либо занятиям, требующим разрешения правительства. Доклад заканчивался указанием, что «только совокупность предполагаемых мер может привести к достижению поставленной цели», т. е. уменьшить отъезд молодежи в Цюрих. Доклад комиссии был без всяких поправок утвержден Александром II.

Цитированный документ относится к 1873 г., но несомненно, что вопрос об отъезде молодых женщин в Цюрих (по официальным данным в 1873 г. их было в Цюрихском университете и Политехникуме 103) должен был встревожить правительство гораздо раньше, и это дает нам основание полагать, что уже при обсуждении в самых «высоких сферах» вопроса о женском медицинском образовании эта тревога правительства сыграла немаловажную роль.

Открытие «Курса для образования ученых акушерок» в Петербурге и почти одновременно высших женских курсов в Москве, наряду с категорическим требованием возвращения цюрихских студенток к 1 января 1874 г. на родину не осталось без эффекта: часть студенток возвратилась в Россию, часть же перевелась в другие иностранные университеты. Цюрих перестал играть роль ум-

---

⁹⁴ ЦГИАЛ, ф. 733, оп. 191, 1873 г., д. 268, лл. 13—15 об.

ственного революционного центра для русской женской молодежи.

Что же касается опасений правительства, изложенных в докладе комиссии, то они довольно скоро оправдались. Так, в судебном процессе русских революционеров-народников в 1877 г., так называемом «процессе 50-ти», из 16 судившихся женщин одиннадцать являлись бывшими цюрихскими студентками (двенадцатая — Каминская сошла с ума в тюрьме до суда).

Открытие женских врачебных курсов не привело еще женщин к преподаванию на них, и Варвара Александровна после получения докторской степени так и не смогла занять место, на которое она как доктор медицины казалось бы имела право. Впрочем, немногим позднее женщины стали допускаться к занятию ассистентских должностей на кафедрах: по данным Г. М. Герценштейна, в 1880 г. уже десять врачей — женщин, окончивших курсы ученых акушеров работали в качестве ассистентов⁹⁵. В этом же, 1880 г. женщинам, окончившим курсы ученых акушеров, было присвоено звание «женщина — врач».

Уже в предыдущие годы Варвара Александровна побывала в странах Западной Европы, после защиты диссертации она решила отправиться за Океан. Для этого ей пришлось изучить английский язык, французским и немецким она уже хорошо владела. Летом 1876 г. она вместе с мужем, М. М. Рудневым, отправилась в Соединенные Штаты Америки и в сентябре была на Международном медицинском конгрессе в Филадельфии.

Успехи В. А. Кашеваровой-Рудневой на врачебном и научном поприщах вызывали у многих недовольство. Противники женской эмансипации видели в ее успехах угрозу домашнему очагу, «печке», по выражению одного из ярых противников женского врачебного образования, врача-публициста К. Толстого. Эти борцы против эмансипации женщин понимали, что пример Варвары Александровны заразителен, что вслед за ней устремятся другие, и усилили свои нападки на курсы ученых акушеров и их выпускниц. Так, пресловутая «Современная медицина» утверждала, что «вопрос о докториссах разрешится в пользу женщин тогда, когда в обществе семей-

---

⁹⁵ Г. М. Герценштейн. Женские врачебные курсы. «Врач», 1880, № 34, стр. 553; № 35, стр. 569.

ное начало будет истреблено до гла, когда все ремесла и искусства будут в руках лиц обоего пола, когда детей будут высиживать машины, как куриные яйца...» (1 декабря 1877 г.). А несколькими днями позднее редакция этого журнала в передовой статье писала: «Мы смотрим на выдачу лекарьских дипломов женщинам, как на новую главу истории унижения и оскорбления русского врачебного сословия...» (6 декабря 1877 г.). Разумеется, во всех этих высказываниях нетрудно усмотреть, помимо реакционности, еще и конкуренцию и меркантильные интересы некоторых врачей-мужчин.

В отношении же к Варваре Александровне, помимо всего этого, играли роль и некоторые особенности ее характера — непосредственность и откровенность, резкость в суждениях, — все это вместе создало ей много врагов. И конечно любые средства оказывались пригодными для того, чтобы «свергнуть с пьедестала» эту выдающуюся для своего времени женщину. Даже в ту пору, когда она только что окончила курс в Академии, была создана версия, что всеми делами Академии вместо ученого секретаря М. М. Руднева, заправляет его невеста В. А. Кашеварова. Были и прямые доносы, на которые М. М. Рудневу приходилось писать объяснения военному министру. В связи с этим М. М. Руднев дошел до того, что подумывал о переезде в Англию, куда он был приглашен профессором, и только Варвара Александровна, не желавшая покинуть Родину, удержала его от этого шага. Да и не только это было, много всякой грязи старались вылить враги на голову молодой женщины.

В апреле 1877 г. Россия объявила войну Турции. Началась русско-турецкая война, приведшая к освобождению балканских народов от турецкого ига. С самого начала кампании в действующую армию отправились слушательницы женских врачебных курсов, те, кому предстояло окончить их в конце 1877 г. Они проявили себя в действующей армии с самой лучшей стороны, чем, несомненно, способствовали поднятию авторитета своего учебного заведения.

Когда началась война, В. А. Кашеварова-Руднева обратилась в Управление «Красного Креста» с просьбой о направлении ее в действующую армию, но получила отказ. Как доктор медицины, она должна была бы пользоваться всеми правами доктора, т. е. быть производи-

ма в чины, получать ордена и т. д., а это было совершенно невозможно и всему виною был «женский пол»...

В начале 1877 г. М. М. Руднев почувствовал себя больным. Обнаружилось какое-то безразличие ко всему, быстрая утомляемость; в сентябре того же года М. М. Руднев был уже совершенно нетрудоспособен. Его отвезли на родину, в Тульскую губернию, а потом все же привезли снова в Петербург и поместили в психиатрическую клинику профессора И. М. Балинского. 6 ноября 1877 г. профессор А. П. Бородин писал своему ученику А. П. Дианину: «М. М. Руднев лишился рас-судка; Мержеевский, Балинский, Дюков и Черемшанский единогласно признали его неизлечимым и определили прогрессивный паралич помешанных, развивающийся с ужасной быстротой»⁹⁶. 10 декабря 1878 г. М. М. Руднев скончался.

Варвара Александровна осталась совершенно одна. Потеря мужа, который был, по собственному ее выражению, ее величайшим другом, и разрыв еще во время болезни мужа с его родными на почве каких-то денежных расчетов,— все это тяжело отразилось на состоянии ее, человека живого и общительного нрава...

После смерти М. М. Руднева Варвара Александровна оказалась «выгодной невестой», заметной в «обществе», самостоятельно зарабатывающей и к тому же молодой и привлекательной. В роли «жениха» фигурировал слушатель Артиллерийской академии, штабс-капитан артиллерии Иван Сергеевич Поликарпов.

Возможно, что и Варвара Александровна задумывалась о браке с Поликарповым, но согласия пока не давала. Между тем Поликарпов старался афишировать свою близость к ней; это «шокировало общество» и послужило поводом для возобновления травли, ранее проводившейся по другим мотивам. После одного инцидента, когда Поликарпов показал себя с непривлекательной стороны, Варвара Александровна решительно отказала ему.

Офицер не нашел ничего лучшего, как написать гнусный пасквиль на нее и, угрожая опубликовать его в печати, пытался принудить Варвару Александровну к браку. Но она никак не могла представить себе, что

---

⁹⁶ А. П. Бородин. Письма, вып. 2 (1872—1877). М., 1936.

найдется газета, которая решится опубликовать этот пасквиль. Однако она, видимо, недостаточно хорошо знала жизнь: для «бульварных» газет такого рода материалы были привлекательны. В трех воскресных номерах черносотенной газеты «Новое время», издававшейся А. С. Сувориным, в сентябре 1879 г. появились главы повести «Доктор Самохвалова-Самолюбова», первоначально носившей заглавие: «Записки человека трын-трава». В этой повести, написанной в виде дневника офицера, излагалась история его знакомства и отношений к практикующей в Петербурге женщине, доктору медицины Екатерине Александровне Самохваловой-Самолюбовой, причем ей приписывались позорные для чести, достоинства и доброго имени женщины действия и слова. В опубликованных главах повести приведены все внешние обстоятельства жизни В. А. Кашеваровой-Рудневой, включая и события, связанные с болезнью ее мужа. Учитывая, что в Петербурге практиковала в это время единственная женщина — доктор медицины, у читателей не оставалось сомнений в том, кто был изображен в этой повести. Что же касается фактов личного характера, то их правдивость читающая публика проверить, конечно, не могла, и они явно были рассчитаны на вкусы «толпы», нервы которой «щекотали» приводимые автором факты. Хотя повесть печаталась без подписи автора, но всем было известно, что автор — отвергнутый «жених» Варвары Александровны штабс-капитан Поликарпов. Появление в печати глав этой повести (продолжение ее не печаталось) дало повод к грязным инсинуациям по адресу Варвары Александровны в «Новом времени» и в не отстававшей от него «Петербургской газете». Опровергнуть эти инсинуации было невозможно, так как они касались личных, интимных вопросов. Для Варвары Александровны создалось поистине невыносимое положение.

Повесть «Доктор Самохвалова-Самолюбова» начала печататься в «Новом времени» 9 сентября 1879 г., а уже 16 сентября в умеренно-либеральной газете «Новости» был помещен один из откликов на первую главу повести. Автор его, подписавшийся «офицер», с возмущением писал в редакцию газеты: «Г. Редактор! Будьте добры дать место маленькой заметке по поводу воскресного фельетона «Нового времени». Есть такого рода поступки

и деяния, которые не подведешь ни под одну статью нашего законодательства, но которые не могут остаться безнаказанными. Если подобный поступок совершит офицер, то он предается суду общества офицеров; автор упомянутого фельетона — офицер, и подобное проявление безнравственности не может и не должно быть оставлено безнаказанным. К суду его общества офицеров!... Вон его из общества офицеров! Таково мнение той военной академии, где я нахожусь»⁹⁷.

Прогрессивная часть общества была возмущена появлением глав этой повести; ей было ясно, что это — повод для травли пионерки женского врачебного образования в России: те, кому не удалось в свое время воспрепятствовать получению женщиной «мужских» прав использовали подходящий момент, чтобы хоть сейчас свергнуть ее с «пьедестала», поставить на «свое место».

11 сентября 1879 г., т. е. сразу после появления в «Новом времени» пасквиля, демократ-просветитель и литературный критик М. А. Антонович выступил на страницах газеты «Молва» с открытым письмом А. С. Суворину, редактору «Нового времени», и очень резко высказался против помещения в газете этой, как он выразился, «литературной мерзости». Выступление М. А. Антоновича, ученика и последователя Н. Г. Чернышевского, не было лишь естественным стремлением защитить честь женщины; автор видел в напечатанном пасквилие реакционную выходку, направленную против стремления женщин к равноправию, и, видимо, это в первую очередь заставило его выступить на страницах печати. Это выступление только подлило масла в огонь, «Новое время» обрушилось на М. А. Антоновича, а заодно и на В. А. Кашеварову-Рудневу.

Быть может, грязь, вылитая реакционными газетами «Новым временем» и «Петербургской газетой» на голову Варвары Александровны, понемногу бы рассосалась, и ее жизнь как-нибудь снова наладилась бы. Но такое «спокойное» ожидание было не в ее характере, она не смогла спокойно ждать, она должна была действовать. Прибегнув к помощи присяжного поверенного

---

⁹⁷ Цит. по обзору Коломенского Кандида: «Вчера и сегодня». Газета «Новости», № 235, 16 сентября 1879 г.

П. А. Александрова, выступавшего в 1878 г. защитником Веры Засулич и выигравшего процесс, она привлекла к судебной ответственности автора пасквиля И. С. Поликарпова и редакторов, повинных в его опубликовании.

В сущности, судебный процесс ничего дать не мог: прогрессивная часть общества и так уже была возмущена этой грязной выходкой «нововременцев», убеждать же в чем-либо тех, кто верил бульварной прессе, было незачем. Но Варвара Александровна поняла это уже позднее. Самая подготовка процесса дала новый повод вторгнуться в ее личную жизнь, перерыть все «грязное белье», истолковать все ее поведение в соответствии со своими собственными вкусами. К тому же Варвара Александровна не учла, что для реакционных кругов присяжный поверенный П. А. Александров — фигура крайне одиозная; исход недавнего процесса Веры Засулич не давал им покоя, поэтому его участие в «деле» В. А. Кашеваровой-Рудневой вызывало гнусные выпады с их стороны⁹⁸.

«Дело» должно было слушаться в августе 1880 г., но было отложено на 21 октября из-за болезни редактора «Нового времени» Федорова и снова было отложено из-за неявки И. С. Поликарпова.

Наконец, 27 января 1881 г. началось слушание этого дела. Оно слушалось в Петербургском окружном суде без участия присяжных заседателей. На скамье подсудимых сидели: редактор «Нового времени» Федоров; литературный редактор той же газеты Буренин, продажный журналист, возглавлявший литературную клику «нововременцев»; автор пасквиля, штабс-капитан И. С. Поликарпов и редактор «Петербургской газеты» Баталин.

После подробного рассмотрения дела суд признал всех обвиняемых виновными в диффамации, т. е. в оглашении порочащих человека сведений, и приговорил работников газеты к денежному штрафу и к кратковременному тюремному заключению; Поликарпов же был приговорен к трехмесячному содержанию на гауптвахте. Сама Варвара Александровна на суде не присутствова-

---

⁹⁸ В. Буренин. Защитник лакомой вдовы (опыт диффамации). «Новое время», № 1776, 6 февраля 1881 г. СПб.

ла, ее интересы представлял П. А. Александров⁹⁹. В связи с процессом имя В. А. Кашеваровой-Рудневой снова стало фигурировать во всяких бульварных листках, использовалось для каррикатур, фигурировало в «гостиных». Положение ее стало совершенно невыносимым.

В. Михневич в «фельетонном словаре современников» писал о В. А. Кашеваровой-Рудневой: «Увенчанная за свои ученые заслуги титулом «доктора медицины», воспетая и превознесенная сторонниками женской эмансипации, г-жа Кашеварова-Руднева равным образом познала на опыте количество шипов мужской известности и неудобства для дамы мужского ампула. А! Вы — самостоятельная женщина, Вы — «доктор» и желаете состоять на мужчинском положении... Прекрасно! В таком случае, пожалуйста, сударыня, на публичное позорище без всяких кисейных вуалей!,— сказали ей кое-какие галантные рыцари, блюстители «женственности», и, действительно, довели непринужденность обращения с репутацией и частной жизнью г-жи Кашеваровой до полного забвения в ее лице женщины, до совершенного изъятия из ее гардероба виноградных листков.

Намекаем на хорошо памятный пасквиль и на воследовавший из-за него скандалезный процесс о «лакомой вдове», доставившие г-же Кашеваровой огромную всероссийскую известность — быть может более громкую, чем она того желала для славы своего имени, как первой, по времени, русской женщины-доктора»¹⁰⁰.

Противники Варвары Александровны неистовствовали все больше еще и потому, что она как будто бы не обращала внимания на все эти грязные выходки и продолжала делать свое дело. Однако это было лишь видимым спокойствием. «Пусть успокоятся мои благоприятели,— с горечью говорила она несколько лет спустя,— они достигли своей цели и сделали из меня самого изломанного в нравственном отношении человека и подкосили мне ноги в физическом. Нравственно — я при

⁹⁹ Д. Герценштейн в статье «Тридцать лет тому назад (из воспоминаний доктора)» («Былое», июнь, стр. 236, 1907) указывал, что присяжный поверенный П. А. Александров — дореформенный губернский прокурор, оставивший из либерализма службу и теперь борющийся, где только можно, с деспотизмом и гнетом власти.

¹⁰⁰ Вл. Михневич. Наши знакомые (фельетонный словарь современников) СПб., 1884, стр. 101.

всем желаним верить людям не могу этого сделать»... ¹⁰¹

С величайшей горечью Варвара Александровна должна была признаться себе самой, что 25-летнее пребывание в Петербурге не дало ей ни одного друга, ни одного товарища.

Доведенная до того, что люди ее круга стали вызывать у нее ужас и отвращение, она приняла решение навсегда покинуть Петербург, где когда-то пришлось испытать так много радости и где позднее пришлось выпить большую чашу горя...

---

¹⁰¹ В. А. Кашеварова-Руднева, Письма. Газета «Новости», № 140, 23 мая 1899 г.

В ИЗГНАНИИ

Весной 1881 г., буквально тайком от всех, в рабочем поезде, где не могли встретиться знакомые, Варвара Александровна уехала из Петербурга. Два месяца пробыла она в Харькове, переболела плевритом, а с наступлением лета уехала в Валуйский уезд Воронежской губернии. Там приобрела 127 десятин степной земли и выстроила себе дом на возвышенном месте; хутор ее «Голый Яр» при селе Александровка был расположен в 30 верстах от Валуек и в 120 — от Харькова.

И хотя Варвара Александровна покинула Петербург навсегда (так она считала, во всяком случае), ее не переставали «вспоминать» там. Для травли ее был найден новый повод. Стремясь любыми путями очернить ее, «Новое время», «Русский курьер» и некоторые другие газеты стали подымать вопрос о том, что она до сих пор не отслужила в Оренбургском крае за стипендию, которую получала от Башкирского казачьего войска.

В июле 1881 г. в «Русском курьере» и в августе в «Новом времени» появились заметки, в которых В. А. Кашеваровой-Рудневой бросалось такое обвинение. Это, впрочем, были уже не первые заметки такого рода. Желая раз и навсегда положить конец этим бесконечным и незаслуженным упрекам, Варвара Александровна обратилась в «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» с письмом, которое просила другие газеты перепечатать. Она писала: «Со времени моего окончания курса в императорской Медико-хирургической академии в печати неоднократно появлялись заметки в форме упреков о том, что я, будучи стипенди-

аткой Оренбургского башкирского войска, не поехала отслуживать за свою стипендию и предпочла остаться в Петербурге, где, как выражалось в газетных статьях, гораздо удобнее и выгоднее, чем в Оренбургском крае.

В начале, тотчас по окончании курса, я ответила на одну из инсинуирующих статей «Нового времени», что не еду к месту своего назначения потому, что оставлена Оренбургским начальством в Петербурге для усовершенствования в избранной мною специальности (акушерство и женские болезни). На это оставление я имела право, как окончившая курс одной из первых.

Для изучения своей специальности я принуждена была ездить за границу, на это нужны были средства, и так как выдача стипендии прекратилась тотчас по выходе из академии, то мне и приходилось приобретать средства медицинской практикой, а летом, работая за границей в клиниках, я утешала себя надеждой, что мои труды не пропадут даром и я применю приобретенные знания в том крае, который дал мне возможность получить первоначальное медицинское образование.

Но видно, что недостаточно было желать и быть готовой служить за свою стипендию!!! На мои неоднократные предложения служить в Оренбургском крае, я получила один ответ, что меня некуда девать и что со мной не знают, что делать. Конечно, после этого мне сставалось только практиковать там, где для меня удобнее, что я и делала, пока здоровье позволяло.

В подтверждение того, что не от меня зависело служить или не служить в Оренбургском крае, скажу то, что я не получала ни одного требования или приглашения явиться к месту назначения, а следовательно не могла и принять или отказаться от подобных требований.

До какой степени трудно получить какое-либо официальное назначение женщине — доктору медицины видно из того, что во время последней войны с Турцией, я просила Главное общество «Красного Креста» дать мне какое-либо назначение на Дунай или в Азиатскую Турцию, но время проходило, война наконец окончилась и я так и не получила никакого назначения. От чего это все зависит, я не знаю и это не мое дело разбирать.

Я только считала своею обязанностью заявить готовность быть полезной по мере сил моих и затем моя

совесть была спокойна. Считаю долгом еще прибавить, что я никогда не заявляла требование дать мне то или другое место, я просто просила деятельности полезной.

Заметку эту я пишу не для того, чтобы вступить в какие-либо пререкания с органами печати, а для того, чтобы заявить тем, кому ведать это надлежит, что и теперь, как и при окончании мною курса в академии, я готова всею душою служить Оренбургскому краю, лишь бы мне дали возможность применить свои посильные знания и многолетнюю опытность, хотя, к сожалению, я должна сказать, что мое расстроенное здоровье не позволит мне принести той пользы, которую я могла принести 10—12 лет назад, но, тем не менее, я готова посвятить Оренбургскому краю весь остаток своих сил»¹⁰².

После появления этого письма «Новое время» в двух подряд напечатанных заметках, снова обрушилось на Варвару Александровну, обвиняя ее в том, что она сама виновата, что не поехала в Башкирию (5 и 7 ноября 1881 г., № 2044 и 2046).

Но разве была она виновата в том, что ее, в силу закона, не могли использовать по специальности?!

«Справедливо ли,— писала она в 1886 г. в «Новостях» (от 7 и 17/XI),— что диплом..., на который потратила столько труда, энергии и силы воли, не давал мне права сдать именно тому делу, для которого и сделаны были все эти жертвы? Но, к сожалению, это по-видимому, действительно так. Земства в Оренбургском крае нет и до сих пор. Женских больниц, родильных домов нет и в помине не было, и тамошняя военная администрация не знала, что со мной делать. Мне могли дать место только в военном госпитале, а это было связано с государственной службой и мне должны были дать все государственные права, которыми пользуются лица, состоящие на действительной службе, но это был опасный прецедент! Пожалуй, после этого, все женщины захотят получить то же самое, а этого никак нельзя допустить. И вот решили оставить меня не у дел, несмотря на затраченный капитал!!»

Справедливость слов Варвары Александровны была подтверждена позднее издававшейся в Оренбурге газе-

---

¹⁰² Заявление доктора медицины В. А. Кашеваровой-Рудневой. «Санкт-Петербургские ведомости», № 272, 3 ноября 1881 г.

той. «...За башкирские стипендии,— писала газета,— г-жа Кашеварова-Руднева обязана была отслужить известное число лет в Башкирии, и она приезжала сюда, уже будучи доктором медицины; но ей предложили службу лишь в звании ученой акушерки, в заведывании же участком или больницей на правах врача было отказано. Вследствие сего эта знаменитая башкирская стипендиатка возвратила издержанные башкирские деньги и уехала от нас... Пока эта женщина проживала здесь, двери квартиры ее познакомились с немалым числом больных женщин, из мусульманок в особенности»¹⁰³.

Действительно, женщины в ту пору на государственную службу не принимались; что же могла сделать Варвара Александровна, если ее нельзя было использовать в Оренбургском крае в соответствии с ее подготовкой и званием?

Отправляясь в деревню, Варвара Александровна думала наладить свою личную жизнь, предполагала выйти замуж за местного помещика. Но она не решалась поселиться в его имении: очевидно, у нее были какие-то сомнения. В письме профессору А. П. Бородину 3 ноября 1881 г. она писала: «Как Вам известно, я действительно собиралась замуж, но приехав к месту назначения, предпочла гражданский брак церковному и насколько об этом не сожалею»¹⁰⁴. И это писалось уже спустя полгода после отъезда из Петербурга! Видимо, семейная жизнь ее так и не наладилась. В письме невыясненному корреспонденту в Петербурге в 1884 г. Варвара Александровна писала: «У меня, ведь, абсолютно никого нет... и теперь, когда я порядочно мучаюсь болями в сердце, сердцебиениями и остановками деятельности сердца, я нервничаю и боюсь умереть без всякой помощи и теплого участия близких людей...»¹⁰⁵.

Поселившись в деревне, она надеялась, что живя среди крестьян вдали от петербургского «общества», она

¹⁰³ Примечание редакции к заметке П. Шустикова «Первая в России женщина-врач и доктор медицины». «Оренбургский листок», № 44, 29 октября 1895 г.

¹⁰⁴ Письмо В. А. Кашеваровой-Рудневой А. П. Бородину (хранится в Музее музыкальной культуры имени М. И. Глинки в Москве).

¹⁰⁵ «Из переписки В. А. Кашеваровой-Рудневой». Газета «Приднепровский край», № 483, 12 мая 1899 г., Екатеринослав.

понемногу придет в себя и, кроме того, в какой-то мере, хоть и не в Оренбургском крае, выполнит свой долг перед народом, оказывая ему медицинскую помощь.

Отношения с окрестными крестьянами сложились у Варвары Александровны, видимо, не плохие. Конечно, вначале крестьяне относились к ней недоверчиво, видя в ней, естественно, «барыню», но постепенно перестали ее чуждаться, стали обращаться к ней за советом по разным делам, — письменным, поскольку они в большинстве случаев были неграмотны, семейным и даже общественным. «Убедившись затем, что из моих советов выходит толк, они, казалось, совсем сжились со мной, равно, как и я с ними», — писала она впоследствии¹⁰⁶.

Хорошим отношением к себе крестьянского населения Варвара Александровна была обязана также своей медицинской практике: она лечила крестьян и не без успеха.

Оторванная от большого города, заброшенная в степную глушь, Варвара Александровна старалась еще в какой-то мере сохранить свой прежний «тонус», пыталась оставаться в курсе текущих медицинских событий, но для этого надо было иметь медицинские журналы, а их-то у нее не было. «Хотела бы выписать в деревню некоторые медицинские журналы, но раньше осени не могу платить и должна остаться при одном желании», — писала она уже в первые годы своего пребывания в деревне¹⁰⁷.

Осенью Варвара Александровна переезжала в Харьков, около полугода жила в городе, весной возвращалась в деревню. В Харькове она понемногу занималась врачебной практикой, доставала и читала современные медицинские журналы, «в деревне, — с сожалением писала она, — будем сидеть без журналов... Правда, у меня хорошая библиотека медицинская и беллетристическая, но хочется знать новости, да и языки позабудешь, — я, ведь, порядочно владела немецким, французским и английским языками, — бойко на всех говорила, но теперь начинаю забывать — жаль»¹⁰⁸.

---

¹⁰⁶ В. Кашеварова - Руднева. Деревенские заметки. Газета «Новости», 19 и 26 июня 1888 г. СПб.

¹⁰⁷ В. Кашеварова - Руднева. Указ. статья. Газета «Приднепровский край», № 483, 12 мая 1889 г.

¹⁰⁸ Там же.

[От В. А. Кашеваровой-Рудневой.] 1878 г. Королевский уезд, город 5-й
Мушки, совет владыки Курдюмовской
Александровна.

Многоуважаемый
Александр Шордринский!

Ваша очень удивила меня когда получила письмо из
и в то же время и когда узнала из письма что вы
уже и жили в Вальмику. Достаточно сказать, что
имею себя и добровольно отравилась служилой пред
де мною и обильно.

При этом все равно у вас попрежнему и безвременно
только, что узнала из Петербурга не прощав
шес ее вали и ее Дородой Катерина Сер
геевна, но если бы вспомните все то не
приятности и все то горе и остроты и ко
торые много пришлось пережить в последние
время во время отъезда в родной
бы поймете как много тяжкого было и трудного
близкие люди и в чужих по том что тайно
и ее тайно по поводу в котором судят та
работы. Все это и одна на для того чтобы
это не вдумать меня правду, а не...

Письмо В. А. Кашеваровой-Рудневой
проф. А. П. Бородину (1-й лист)

В это время Варвара Александровна продолжала еще мечтать о поездках в университетские города для повышения своих знаний, но уже не чувствуется у нее былой энергии и говорит она об этом уже спокойнее, без былых эмоций. К тому же и материальные трудности дают себя чувствовать. «Я даже для экономии думаю и вовсе жить в деревне... Работать и там можно — у меня порядочная аптека и народ охотно идет ко мне, а в городе, если не жить постоянно, то практика не окупит расходов. Живя в деревне, я всегда буду иметь столько свободных денег*, чтобы зимою ездить в университетские города на 2—3 месяца и там поддерживать свои знания. Конечно, это немножко скучно, но что делать, если так обстоятельства складываются...»¹⁰⁹. Но по существу, далее ближайшего университетского города — Харькова она не ездила, и приведенная фраза носит характер самоподбадривания. Не та уже Варвара Александровна...

В 1883 г. профессор акушерства и женских болезней Харьковского университета И. П. Лазаревич выпустил книгу «Деятельность женщины». Книга эта вызвала горячую отповедь со стороны Варвары Александровны. В петербургской газете «Новости» она опубликовала обширную рецензию на эту книгу. «Название книги и имя автора,— писала она,— заставили меня предположить, что опытный специалист воспользовался своим обширным наблюдением, чтобы высказать свое основанное на фактах мнение о том, к какой деятельности способны женщины по своей организации. К сожалению, ничего подобного в книге г. Лазаревича нет и назначение ее остается вполне непонятым»¹¹⁰.

Далее следовал подробный критический разбор этой книги. Автор книги считает женщину неспособной к общественной деятельности и вышему образованию,— это спустя 11 лет после учреждения первых женских медицинских курсов! Автор считает, впрочем, что женщины

---

* После смерти мужа Варвара Александровна получала ежегодную пенсию в 1 тысячу рублей.

¹⁰⁹ В. Кашеварова-Руднева. Указ. статья. Газета «Приднепровский край», № 483, 12 мая 1889 г.

¹¹⁰ В. А. Кашеварова-Руднева. О книге проф. Лазаревича «Деятельность женщины». Газета «Новости», 17 декабря 1883 г. СПб.

ГИГИЕНА ЖЕНСКАГО ОРГАНИЗМА

ВО ВСѢХЪ ФАЗИСАХЪ ЖИЗНИ.

Дѣтскій возрастъ, половая зрѣлость,
беременность, роды, послѣродовой пе-
риодъ и климактерическіе годы.

Популярное изложеніе какъ предохранить себя отъ заболѣ-
ванія женскими болѣзнями и какъ излѣчивать безъ помощи
доктора нѣкоторыя легкія заболѣванія.

ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

В. А. Кашеваровой-Рудневой.

1884.

Типографія М. Ф. Зильберберга, Рыбная. № 25.

Обложка книги В. А. Кашеваровой-Рудневой
(1-е издание)

способны быть врачами, но если из 100 врачей-мужчин 5 могут оказаться плохими, то из 100 женщин-врачей плохими оказываются 95. Такое необоснованное, голословное утверждение не могло не вызвать резкого отпора со стороны В. А. Кашеваровой-Рудневой. «Беззащитный вывод!», — прямо заявляет она. Автор книги вообще считает умственные способности женщин недостаточными для какой-либо серьезной работы, и это, разумеется, резко критикуется рецензентом. Рецензия заканчивается указанием на то, что «так как книга г-на Лазаревича не содержит никаких научных данных, которые могли бы послужить руководством при избрании женщиною той или другой специальности, соответствующей ее организации, то она и не может служить руководством в этом отношении. Так как книга не содержит популярного изложения правил для воспитания девочек и не указывает средства для укрепления их организма настолько, чтобы они годились почти ко всякой деятельности, то она и не может служить руководством для матерей и воспитательниц. Спрашивается: для кого же книга назначается?...»¹¹¹.

В 1884 г. Варвара Александровна издала в Харькове на свой счет небольшую популярную книгу: «Гигиена женского организма во всех фазисах жизни». В книге, написанной ясным, хорошим литературным языком, вместе с тем вполне научно, были освещены вопросы анатомии и гигиены женщины в разные периоды ее жизни (половая зрелость, замужество, беременность, роды, послеродовой период), а также гигиена ребенка. «Обошлось мне издание — писала Варвара Александровна, — довольно дорого и, при теперешних скудных моих средствах, я бы желала поскорее выручить хоть затраченное». Распространение книги шло медленно, следовало бы съездить самой в Петербург, чтобы договориться с книгопродавцами, но на поездку нужны были деньги, а их не было... «Я бы сама поехала в Петербург, но теперь никак не могу (до времени) располагать свободно несколькимистами рублями для этой поездки»¹¹².

---

¹¹¹ В. А. Кашеварова-Руднева. Указ. статья. Газета «Новости», 17 декабря 1883 г.

¹¹² В. Кашеварова-Руднева. Указ. статья. Газета «Приднепровский край», № 483, 12 мая 1899 г.

Особо крепким здоровьем Варвара Александровна не отличалась и раньше, тяжелое детство не прошло бесследно, но в последние годы состояние ее заметно ухудшилось. В 1884 г. она писала: «В последнее время у меня опять появились тяжелые сердечные припадки с значительным отеком (жировое перерождение или ожирение сердца — не знаю) нижних конечностей...»¹¹³

Несмотря на свое болезненное состояние (а, может быть, это и заставило ее поторопиться), Варвара Александровна решила написать и опубликовать автобиографические очерки, освещающие и ранний период ее жизни и более поздний — пребывание в Медико-хирургической академии. «Пописываю свою автобиографию, она довольно любопытна, не знаю только, кто после моей смерти займется разбором значительного материала, накопленного покойным моим мужем и мною — как бы все не попало в печь. Жаль будет»¹¹⁴. Мысль о смерти, видимо, уже возникала у нее тогда.

В начале марта 1886 г. дом, в котором она жила, по неосторожности прислуги, загорелся ночью и сгорел до тла. Сбылось предчувствие Варвары Александровны: все, действительно, «попало в печь»; все бумаги, которые, быть может, пролили бы свет на историю ее жизни, оказались уничтоженными.

Еще три года после пожара прожила Варвара Александровна в деревне. В июне 1888 г. в газете «Новости» были опубликованы ее «Деревенские заметки», обнаружившие наблюдательность и понимание ею жизни крестьян. Описывая тяжелое экономическое положение крестьян («...надел у них так ничтожен, что даже одинокий хозяин не мог прокормиться на своем наделе... О лесе у крестьян и помину не было, выгона тоже не оказывалось, все это и заставляло их биться как рыба об лед и даже воровским образом прикармливать свою «худобу»); очень малую грамотность («...в той деревне, о которой я по преимуществу пишу (30 дворов) имеется один грамотей, да и тот — бывший солдат николаевских времен...»), отсутствие заботы о повышении их грамотности («...прежде был здесь председатель управы, кото-

---

¹¹³ Кашеварова-Руднева. Указ. статья. Газета «Приднепровский край», № 483, 12 мая 1899 г.

¹¹⁴ Там же.

рый предлагал, в видах экономии, даже вовсе упразднить школы и земскую медицину...), невысокий нравственный уровень крестьян в вопросах, где затронут материальный интерес их, и гуманность и честность их там, где этот интерес не затронут,— Варвара Александровна задает вопрос: «Что же нужно сделать, чтобы изменить как-нибудь к лучшему жизнь крестьянина?». Отвечая на него, она указывает, что с «улучшением материального быта мужика, подымется и его нравственный уровень, в особенности если к этому прибавить распространение элементарных и профессиональных школ...»¹¹⁵. Как же улучшить материальное положение крестьян — Варвара Александровна не говорит.

В 1889 г. В. А. Кашеварова-Руднева решила все-таки покинуть деревню, она продала свой хутор и снова попыталась устроить свою жизнь в Петербурге. Но прожить там она смогла только около двух лет. Ухудшающееся здоровье заставило ее искать более спокойного места, чем столица. А, может быть, в Петербурге одолели ее воспоминания о горьких днях, пережитых десятков лет тому назад?..

В начале 90-х годов она покинула Петербург, на этот раз навсегда, и переехала в Старую Руссу. Там, на Крестецкой улице купила она «двухэтажный деревянный дом с одноэтажным флигелем и надворными строениями»¹¹⁶, и, по мере своих сил, занималась медицинской практикой, уделяя приему больных по 3 часа в день. Уже здесь подготовила она к печати второе издание своей книги «Гигиена женского организма во всех фазах жизни», дополнив его главою о гигиене ребенка в первый год жизни; предисловие ко второму изданию было написано 10 декабря 1891 г.

Как протекала жизнь Варвары Александровны в Старой Руссе, нам подробнее узнать не удалось. Вероятно, уже никаких примечательных событий не было, от прежней Варвары Александровны осталось мало...

В 1893 г. врачи, окончившие Академию 9 декабря 1868 г., отметили 25-летие своего выпуска и выпустили к этой дате сборник автобиографий; была напечатана

---

¹¹⁵ В. Кашеварова-Руднева. Деревенские заметки. Газета «Новости», 19 и 26 ноября 1889 г.

¹¹⁶ Сообщение Начальника Государственного архива Новгородской области 20 сентября 1858 г.

в сборнике и подробная автобиография Варвары Александровны, повторявшая в основном ее автобиографические очерки, напечатанные в «Новостях» в 1886 г.

В связи с 25-летием выпуска в прессе снова вспомнили Варвару Александровну. В петербургской газете «Русская жизнь» на следующий день после юбилея появилась заметка, в которой указывалось на большие ее заслуги на медицинском и научном поприщах; заметка заканчивалась указанием на то, что «уравнение ее в правах с мужчинами не шло дальше присвоения ей ученой степени»¹¹⁷. Перед юбилеем, 5 декабря 1893 г., в беседе с корреспондентом «Петербургской газеты» Варвара Александровна высказала некоторые мысли о женщинах-врачах, у которых «нет достаточной энергии, чтобы пробить дорогу», и о врачах-мужчинах, которые плохо, из соображений конкуренции, относятся к своим коллегам-женщинам¹¹⁸. В связи с этим в журнале «Врач», прогрессивном медицинском органе, издававшемся профессором В. А. Манассеиным, появилась довольно недружелюбная заметка¹¹⁹, очевидно, мысли, высказанные В. А. Кашеваровой-Рудневой, пришлись кому-то не по вкусу...

Но Варвара Александровна имела в виду, конечно, в первую очередь свой опыт; только своей необычайной энергии была она обязана своим медицинским образованием и ученой степенью. Но она не учла того, что в условиях российского бесправия было не так уж просто добиться своего; энергии одиночек было для этого недостаточно.

9 декабря 1898 г. исполнилось тридцать лет врачебной деятельности Варвары Александровны. Все врачи Старой Руссы явились в этот день к ней, чтобы поздравить ее с юбилеем. Но в это время она была уже совсем больна. В письме, датированном несколько позднее, 28 февраля 1899 г., она описала: «Третий год нахожусь

---

¹¹⁷ Заметка без заглавия. Газета «Русская жизнь» № 330, 10 декабря 1893 г. СПб.

¹¹⁸ Женщины-врачи. «Петербургская газета», № 340, 11 декабря 1893 г.

¹¹⁹ Заметка в разделе «Хроника и мелкие известия». «Врач», № 50, стр. 1389, 1893 г.

при смерти, с трудом могу нацарапать несколько слов, лишена возможности читать, писать и двигаться»¹²⁰. В своем последнем письме, 26 апреля того же года, она смогла лишь написать: «Ужасно задыхаюсь, хотела бы сказать многое, но не повинуются руки и голова»¹²¹.

В 1 час ночи 29 апреля 1899 г. навсегда перестало биться сердце этой замечательной, многострадальной женщины. Похоронили ее на кладбище Спасо-Преображенского монастыря в самой Старой Руссе.

---

¹²⁰ Е. Михневич. Памяти В. А. Кашеваровой-Рудневой. Газета «Новости», № 126, 9 мая 1899 г. СПб.

¹²¹ Там же.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Смерть В. А. Кашеваровой-Рудневой не прошла незамеченной, хотя почти двадцать лет она находилась в изгнании. Медицинская пресса, представленная журналом «Врач», очень «скромно» реагировала на ее смерть, поместив 8 мая 1899 г. в разделе «Некрологи» небольшую заметку, в которой кратко излагались некоторые биографические ее данные. Общая пресса отнеслась гораздо теплее. В столичных газетах («Новости», «Биржевые ведомости», «Сын отечества» и др.) появились некрологи. «Мир праху пионерки женского врачебного дела на Руси»,— писали «Биржевые ведомости» 2 мая. Петербургская газета «Народ» писала 3 мая: «Современная молодежь знает ее имя только понаслышке (да и знает ли), но было время, когда это имя, наравне с именем Сусловой, Боковой, Некрасовой, заставляло биться надеждою иные женские сердца... Огромное трудолюбие Варвары Александровны сделало свое дело, на нее перестали смотреть как на барышню, оригинальничашую и от скуки балующуюся игрой в медицину. Врачи признали в ней товарища, публика — выдающегося врача... Ее пример создал мощное общественное движение в пользу женского медицинского образования».

Не только столичные, но и некоторые провинциальные газеты откликнулись на смерть В. А. Кашеваровой-Рудневой. Некрологи появились и в «Одесских новостях», и в «Приднепровском крае» (Екатеринослав), и в «Восточном обозрении» (Иркутск)... «...Доктор медицины В. А. Кашеварова-Руднева,— говорилось 4 мая в «Одесских новостях»,— была одной из замечательней-

ших женщин. Имя ее бесспорно займет выдающееся место в истории просвещения русской женщины и, в частности,— в истории женского медицинского образования». Для своей эпохи В. А. Кашеварова-Руднева была «знаменем времени», она сама «выбилась в люди» и указала путь в науку бесправной русской женщине. Ее вдохновляющий пример способствовал, несомненно, усилению борьбы русской женщины за свои естественные права, и ее имя должно занять подобающее место в истории русской культуры.

Память о Варваре Александровне Кашеваровой-Рудневой, замечательнейшей русской женщине XIX в., пионерке женского врачебного образования, стерлась, и цель нашего повествования — воскресить эту память...

ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ В. А. КАШЕВАРОВОЙ-РУДНЕВОЙ

1. Хроническое воспаление отпадающей оболочки матки (endometritis decidualis).— Медицинский вестник, 1868, № 6, 10 февраля и № 7, 17 февраля.
2. Ueber die Endometritis decidualis chronica.— Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und für klinische Medicin, 1868, Bd 44, Heft 1.
3. О патологоанатомических изменениях органов при возрастной горячке у новорожденных детей.— Протоколы заседаний Общества русских врачей в С.-Петербурге. 1869/1870 г.
4. Einiges zur Lehre von den freien Körpern der Bauchhöhle und der Extrauterinschwangerschaft.— Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und für klinische Medicin, 1869, Bd 47, Hefte 3 u. 4.
5. О вредных последствиях от чрезмерного употребления Либиховского экстракта.— Протоколы заседаний Кавказского медицинского общества., 1871, Год 8-й.
6. К учению о плацентарных полипах. Журнал для нормальной и патологической гистологии и клинической медицины, 1873, сентябрь-октябрь.
7. Материалы для патологической анатомии маточного влагалища.— Журнал для нормальной и патологической гистологии и клинической медицины, 1876, т. 10, май и июнь.
8. Материалы для патологической анатомии маточного влагалища.— Диссертация. 1876. СПб.
9. Пионерка,— Газета «Новости», СПб. 1886, 15 и 22 сентября.

10. К истории женского медицинского образования.— Газета «Новости», СПб., 1886, 7 и 14 ноября.
11. «Деятельность женщин». Книга проф. Лазаревича. (Рецензия.)— Газета «Новости», СПб., 1883, 17 декабря.
12. Гигиена женского организма во всех фазисах жизни. Харьков, 1884.
13. Гигиена женского организма во всех фазисах жизни (изд. 2), СПб., 1892.
14. Автобиография — В сб.: Двадцатипятилетие врачей, бывших студентов Медико-хирургической академии выпуска 9 декабря 1868 г. СПб., 1893.
15. Из переписки В. А. Кашеваровой-Рудневой. Газета «Приднепровский край», Екатеринослав, 1899, 12 мая (6 писем неустановленному адресату).

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ
В. А. КАШЕВАРОВОЙ-РУДНЕВОЙ

- 1844(?) — в местечке Чаусы Могилевской губернии родилась Варвара Александровна Нафанова (впоследствии Кашеварова-Руднева).
- 1860, 14 сентября — брак с Н. С. Кашеваровым.
- 1861 — уход от Н. С. Кашеварова.
- 1861 — поступление в Повивальный институт.
- 1862, июнь — окончание Повивального института и получение звания повивальной бабки.
- 1862 — поступление на сифилидологические курсы при Калининской больнице.
- 1862, декабрь — назначение повивальной бабкой Башкирского казачьего войска.
- 1863 — окончание сифилидологических курсов.
- 1863, июнь — приказ военного министра об оставлении в Петербурге для слушания лекций в Медико-хирургической академии.
- 1863—1868 — обучение в Медико-хирургической академии.
- 1865, лето — работа в клинике профессора Зейферта в Праге.
- 1868, 16 января — первый доклад в Обществе русских врачей в Санкт-Петербурге.
- 1868, 2 октября — избрание членом Общества русских врачей в Санкт-Петербурге.
- 1868, сентябрь — ноябрь — сдача выпускных экзаменов в Медико-хирургической академии.
- 1868, 9 декабря — окончание Медико-хирургической академии со званием «лекаря с отличием» и с дипломом на золотую медаль.

- 1869, весна и лето — пребывание и работа за границей.
- 1870, 22 апреля — расторжение брака с Н. С. Кашеваровым.
- 1870 — брак с М. М. Рудневым.
- 1871, лето — работа врачом в Железноводске.
- 1876, январь — март — неудавшаяся попытка добиться права защиты диссертации в Московском университете.
- 1876, 25 мая — защита в Медико-хирургической академии диссертации на тему: «Материалы к патологической анатомии маточного влагалища» и признание в степени доктора медицины.
- 1876, лето — поездка в США.
- 1878, 10 декабря — смерть М. М. Руднева.
- 1881, весна — отъезд из Петербурга.
- 1881—1889 — жизнь в Валуйском уезде Воронежской губернии.
- 1884 — выход первого издания книги «Гигиена женского организма во всех фазисах жизни» (Харьков).
- 1889—1891 — жизнь в Петербурге.
- 1891—1899 — жизнь в Старой Руссе.
- 1892 — выход второго издания книги «Гигиена женского организма во всех фазисах жизни» (СПб.).
- 1899, 29 апреля — смерть в Старой Руссе.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	5
Глава первая. У истоков высшего женского образования	7
Глава вторая. Начало жизненного пути	20
Глава третья. Повивальная бабка Башкирского войска .	24
Глава четвертая. В Медико-хирургической академии .	32
Глава пятая. От лекарского звания к докторскому . .	51
Глава шестая. Первая женщина-доктор	73
Глава седьмая. В изгнании	84
Послесловие	97
Печатные работы В. А. Кашеваровой-Рудневой	99
Основные даты жизни В. А. Кашеваровой-Рудневой	101

Семен Максимилианович Дионесов

В. А. Кашеварова-Руднева
(1844—1899)

Утверждено к печати
редколлегией научно-биографической серии
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. М. Гидалевич*
Художник *А. П. Николаев*
Технический редактор *Н. Ф. Егорова*

Сдано в набор 19/VII 1965 г.
Подписано к печати 21/IX 1965 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Печ. л. 3,25+1 вкл.
Усл. печ. л. 5,33+1 вкл.
Уч.-изд. л. 4,9 (4,8+0,1 вкл.).
Тираж 15 000 экз. Т-12929. Изд. № 3745
Тип. зак. № 5788.

Цена 24 к.

Издательство «Наука»,
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»,
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

С. М. ДИОНЕСОВ

**В. А. КАШЕВАРОВА-
РУДНЕВА-**

**ПЕРВАЯ РУССКАЯ ЖЕНЩИНА-
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ**